

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ

О Л Ъ Г А

ВОЛОДАРСКАЯ

ПРЕДПОСЛЕДНИЙ КРУГ АДА

Никаких запретных тем.
Остросюжетная проза О. Володарской

Ольга Володарская
Предпоследний круг ада

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Володарская О. Г.

Предпоследний круг ада / О. Г. Володарская — «Эксмо»,
2018 — (Никаких запретных тем. Остросюжетная проза О.
Володарской)

ISBN 978-5-04-092683-1

Таня и Аня были такими разными... Одна вела себя как истинная леди, любила поэзию и мечтала о прекрасном принце. Вторая сквернословила, пила, обожала кровавые фильмы ужасов и brutальных мужиков. Эти такие разные девушки приходились друг другу сестрами. Они делили не только крохотную квартирку, но и тело. Аня и Таня Сомовы были сиа́мскими близнецами... Вынужденные затворницы, они уже не надеялись зажить полной жизнью, но свершилось чудо. Казахский миллионер Нурлан Джумаев, в молодости увлекавшийся писательством, решил снять фильм по своему роману о сиа́мских близнецах, и Сомовы стали его музами. С легкой руки Джумаева девушки оказались на киностудии... Все равно что в сказке, подумали обе. Но какая сказка без злодея? Среди членов съемочной группы оказался убийца. В первый же день он отравил одного из присутствовавших на площадке, но на этом не остановился...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092683-1

© Володарская О. Г., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	35
Часть вторая	37
Глава 1	37
Глава 2	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ольга Володарская

Предпоследний круг ада

© Володарская О., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Пролог

Саня Шумов сидел в своей каморке, пил крепкий, с пятью ложками сахара, чай и грыз ванильные сушки. Он был тучен и потлив. Сейчас его лоб был так влажен, что с него капало. Перед тем как поднести чашку ко рту, Саня вытирал его тыльной стороной ладони, чтобы пот не попал в чай. Он знал, что нужно похудеть. Если не для красоты, то для здоровья. Та же потливость появилась с лишним весом. Но как отказать себе в мучном и сладком? За смену Саня выпивал пять кружек чая с неизменными пятью ложками сахара и съедал большущий пакет печенья, вафель, снеков, смотря что продавалось по акции в ближайшем супермаркете. Но был еще полноценный прием пищи – Шумов приносил из дома в пластиковом контейнере макароны с сосиской или картошку с котлетой. Бывало, суп в литровой банке. Он пробовал диеты. Разные – агрессивные и щадящие, но хватало его максимум на неделю, а обычно дня на три. Сейчас Саня пытался себя ограничивать. Поэтому к чаю – сушки, на горячее тушеная капуста с куриным окорочком, вместо булочки – бородинский хлеб.

Шумов бросил взгляд на часы. Еще только полночь, а он ел горячее в два. Придется терпеть. Естественно, можно покушать и сейчас, но тогда до утра он с ума сойдет. И не от голода – от скуки.

Тяжко вздохнув, Саня поднялся со стула, взял фонарь и отправился на обход территории. Шумов не то чтобы ненавидел свою работу...

Она ему не нравилась.

Платили мало, выходить приходилось в ночь, да еще одному, без напарника, то есть не с кем ни в карты поиграть, чтобы скоротать время, ни трапезу разделить, ни поговорить. Но и ненавидеть работу было не за что. Никто не дергает, не следит за каждым шагом и... Не пугает! Последнее тоже важно. До того как стать сторожем склада с реквизитом на киностудии, Саня работал в офисном центре охранником. Располагался этот офис в историческом здании, первый владелец которого покончил с собой в собственном кабинете, второй умер за обеденным столом, подавившись рыбьей костью, третий был расстрелян большевиками на пороге особняка. После революции в нем содержали сначала беспризорников, затем преступников, пока во время Великой Отечественной войны не превратили в швейную фабрику. В девяностые фабрику выкупил частник и устроил в здании офис. Но и этот владелец вскоре скончался – его убил снайпер через открытую форточку. Именно застреленный нувориш чаще всего являлся в виде призрака по ночам. Саня собственными глазами его видел, но ему верили немногие. Лишь те, что сами когда-нибудь сталкивались с паранормальными вещами. Из-за блуждающей по коридорам старого особняка нечисти Шумов из офисного центра и уволился.

Склад поначалу тоже казался пугающим. В нем было тесно, душно, но это ладно... Среди декораций попадались такие, при взгляде на которые хотелось перекреститься. Фасады склепов, сатанинские алтари, гробы, виселицы... Все это было изготовлено для съемок самого масштабного российского ужастика со времен черно-белого «Вия». Саня названия не помнил, помнил то, что смотрел его в интернете и радовался тому, что не потратил деньги на билет в кино. Фильм в прокате провалился. После чего продюсеры решили воздержаться от съемок ужастиков, но декорации не утилизировали, а оставили до лучших времен.

Со временем Саня к ним привык. Даже несколько раз в гробу спал. Он был обит изнутри поролоном, обтянут атласом, просто царское ложе по сравнению с раскладушкой в комнате охраны.

Сегодня Шумов присмотрел для ночлега диван в стиле Людовика. Какого именно по счету, он не знал. Кажется, четырнадцатого. Сане главное, чтоб диван удобным был... И не вонял. А то иногда перевезут декорации, а от них смрад идет. Когда протухшей едой – арти-

сты роняют ее, и она забивается в щели и начинает гнить, когда кошачьей мочой (животные принимают участие в съемках), когда рвотой.

Саня дошел до дивана, присел на него, принялся. Вроде бы все нормально. Только между ним и стеной шкаф громоздкий, которого еще вчера не было, воткнули. Это значит – ноги не вытяни. А Саня любил их на подлокотник закинуть. И решил Шумов шкаф немного подвинуть. Подошел к нему, примерился. Положив фонарь на диван, поплевал на ладони, схватился за углы, напрягся, надавил...

Шкаф ни с места.

Шумов был удивлен. Он не мог назвать себя слабаком, в юности был КМС по тяжелой атлетике и до сих пор с рывка поднимал двухкамерные холодильники и двигал габаритные предметы мебели. Саня окинул шкаф взглядом. Да, большой, но не гигантский. И сколочен из обычного ДСП. Решив, что в него что-то набили, Саня решил открыть дверки. Они были заперты на навесной крючок. Откинув его, Шумов взялся за шарообразные ручки...

И тут что-то грохнуло позади него.

Саня одной рукой схватил фонарь, второй выдернул из-за пояса дубинку и развернулся. Никого.

Только вырезанная из фанеры передняя часть телефонной будки валяется, а не стоит, хотя ее совсем недавно принесли и поставили у стены.

– Неужели снова призраки? – простонал Шумов. – Опять увольняться?

Но тут из-под фанеры показалась острая усатая мордочка.

– Бориска, как ты меня напугал, – сердито буркнул Саня, но следом облегченно выдохнул. Не призрак, а всего лишь крыс. Огромный, размером с кота. Он захаживал к Сане в гости, полакомиться обедками. Шумов назвал его Борисом и, можно сказать, полюбил. Все не одному в огромном помещении торчать. А тут живое существо, да интеллигентное: контейнеры Бориска никогда не прогрызал, на столы не лазил, где ни попадя не гадил, гостей на пиры не приводил.

– Подожди, сейчас ужинать пойдем. Я тебе вынесу... – У Бориски даже мисочка своя была. – Только нужно сначала шкаф подвинуть.

Сунув фонарик в рот, Саня распахнул-таки двери.

Да, шкаф не был пустым. В нем лежал человек. Спина к дверцам. Саня взял его за плечо и развернул к себе...

Когда Шумов увидел лицо покойника (это совершенно определенно был неживой человек), то фонарик выпал из его рта, а затем из него же вырвался такой душераздирающий крик, что привычный к людским голосам Бориска унесся к себе в подвал, забыв о еде и том, что он не гадит во владениях своего двуногого друга.

Часть первая

Ранее...

Глава 1

Женя шел по аллее городского парка и улыбался. Он обожал золотую осень, а в этот октябрьский день стояла такая дивная погода, что листья казались вырезанными из золотой фольги. Многие уже опали, и Женя наклонился, чтобы собрать букет.

«Унылая пора, очей очарованье, – декламировал он про себя, – приятна мне твоя прощальная краса...»

Женя обожал Пушкина. Считал его величайшим поэтом всех времен и народов. На второе место ставил Уильяма Блейка. На третье – себя.

Увы, Евгений Бородин родился не в то время. Оpozдал, как минимум, на пятьдесят лет. Появись он на свет хотя бы в сороковые-шестидесятые годы двадцатого века, у него был бы шанс прославиться, как у Евтушенко или Рождественского. Но он дитя перестройки, и в то время, когда Бородин пытался пробиться со своими стихами на книжный рынок, тот был заполнен детективами, боевиками и пошлейшими любовными романами. Юный поэт надеялся на то, что читатель этим фастфудом обожрется (лучшего слова не подберешь) и его потянет к изысканным яствам. Но Женя ошибся, пусть и не во всем. Наевшись «гамбургеров», читатель переключился на «суши» и прочую экзотику: Мураками, Кастанеда... Поэзией интересовались все меньше. Сборники стихов если и печатались, то за счет авторов. И, естественно, выходили малыми тиражами. Евгений Бородин умудрился наскрести денег на двести экземпляров брошюры, но продать смог только треть, в основном родственникам, соседям и знакомым, что-то раздал «нужным» людям, остальное оставил до лучших времен...

Которые все не наступали.

Жене уже перевалило за тридцать. Он жил с мамой и дедом. Работал осветителем на киностудии. Туда его устроил дядька. Временно. Но, как говорится, нет ничего более постоянного, чем временное. Поэтому Женя уже восемь лет трудился на одном и том же месте. Но стихи продолжал писать. Без этого он не мог. Свои произведения выкладывал на различных спецсайтах, их было довольно много. Каждый, кто публиковался там, надеялся на то, что его заметят издатели и предложат контракт. Женя не был исключением. Но годы шли, а ничего не менялось. Да, его читали, по большей части хвалили, и он мог похвастаться тем, что имеет фанатов своего творчества в разных уголках мира (в Израиле и Америке поклонники были точно), но Евгению было мало этого. Он понимал, что времена, когда поэты были кумирами, прошли, и ему не светит не только слава Пушкина и Блейка, но и Блока-Есенина, даже Евтушенко и Рождественского, к творчеству которых он относился с прохладцей, но согласился бы и на ту популярность, что обрушилась на его давнего приятеля Кукуся. Кукуся – это фамилия. Имя – Данила. Женька учил его строки рифмовать еще в пятом классе. Им задали сочинить стихи для учительниц и одноклассниц к 8 Марта, но Кукуся этого не умел. Бородин объяснил, как нужно...

На свою голову! Стих Данилы приняли так же хорошо, как и Женин. А учитель литературы обоим поставил пятерку с плюсом. Кукуся до этого одни тройки получал. Обрадовался, конечно. Но поскольку его больше интересовали футбол и стрельба из рогатки, то свободное время посвящал этим занятиям, а не поэзии.

Данила после девятого класса из школы ушел. Поступил в училище, получил профессию газосварщика, устроился работать на стройку. Получал хорошо и был жизнью доволен. Что заставило Кукуся вновь начать писать стихи, Женя так и не понял. Он спрашивал об этом у школьного приятеля, но тот неизменно отвечал: «Торкнуло» – и выдавал очередное свое творение, содержащее, как правило, ненормативную лексику. Именно благодаря матерным стишкам Кукуся и добился первой известности. Они понравились одному эпатажному рокеру, и он сделал их текстами для своих песен. Кукусе стали поступать и другие предложения, он начал

хорошо зарабатывать, обзавелся нужными знакомыми и выпустил две книги. Одну – хулиганскую, вторую – лирическую. Как ни странно, успехом пользовались обе. Данила Кукуся, как оказалось, мог одинаково хорошо писать и о суровой правде жизни, с ее бытовухой, грубостью, матюгами, и о любви, нежности, верности...

По мнению Жени – примитивно, его рифмам не хватало изящества, но читатель этого не замечал. Ему все нравилось.

Бородин узнал об успехах одноклассника от одной из своих виртуальных подруг. Он познакомился с ней на сайте пушкинистов. Звали барышню Татьяной, и она была просто чудесной. Жене нравилось в ней все, начиная от тонкой натуры и заканчивая личиком. Оно не было красивым, но нежным и одухотворенным – да. Именно такие Бородин привлекали. К современным стандартам красоты Женя относился с легким отвращением. Девушки с гипертрофированными губами, скулами, бровями напоминали ему кукол из секс-шопа... И казались такими же пустыми.

С Таней Бородин был знаком уже два года, но ни разу не видел ее в реале. Они только переписывались, отправляли друг другу фото и голосовые сообщения. Даже не созванивались, не говоря уже о большем. Женя предлагал Тане для начала пообщаться в скайпе, а если их впечатление друг о друге не испортится, то погулять или посидеть в кафе. Но барышня отказывалась, толком не объясняя причин. Бородин смирился с таким положением вещей и перестал навязываться.

Молодые люди продолжили виртуально дружить. Как-то раз Татьяна прислала Жене ссылку на страницу Данилы Кукуся в одной из топовых соцсетей (на поэтических сайтах он не появлялся). Так Бородин узнал, что тот, кого он в детстве научил рифмовать строки и отличать ямб от хорея, стал известным поэтом...

Позавидовал, конечно. Но убедил себя в том, что зависть белая. И решил написать Кукусе в надежде на то, что тот поможет Бородину продвинуться. Данила на послание ответил. Предложил встретиться в баре. Окрыленный Евгений примчался туда в назначенный час с брошюрой и блокнотом, в который записывал стихи. Но оказалось, Кукуся позвал его «чисто побухать». Когда Женя заводил разговор о поэзии, он опрокидывал в себя очередную кружку темного пива, отрывал и начинал читать свои вирши, да громко, чтоб все слышали. В тот день Бородин так и не смог поделиться с ним своим творчеством. Но брошюру сунуть умудрился. Да только хмельной Кукуся потерял ее по дороге домой, о чем без всякого сожаления сообщил школьному товарищу, когда тот позвонил, чтобы справиться, как ему понравились его стихи. Женя обиделся и под разными никами оставил разгромные отзывы на книги Данилы. Однако, когда спустя месяц тот позвонил Бородину и пригласил побухать, все-таки потащился в бар, надеясь, что в этот раз сценарий будет иным... Но где там!

Третья встреча бывших одноклассников состоялась лишь потому, что Кукуся позвал Бородину не в пивной бар «Бавария», а в клуб «Общество мертвых поэтов». Женя ожидал чтений в камерной обстановке и бесед о высоком за бокалом шампанского, а оказался в бедламке похлеще пивнушки. Клуб оказался андеграундным, там все бухали, орали, матерились, а под конец вечера дрались. Евгений был в шоке от того, что все присутствующие называли себя поэтами. Кукусю это веселило:

– Если б я тебя не помнил первоклашкой, то решил бы, что ты путешественник во времени... И прибыл к нам из золотого века! Хотя и тогда поэты еще теми были кадрами. И пьянствовали, и за бабами бегали, и дрались... А уж как сквернословили! Читал я матерные стихи твоего любимого Александра Сергеевича.

– Не доказано, что они его, – тут же попытался защитить солнце русской поэзии Женя. – Но если и так, Пушкину простительно. Пошалил, бывает. Вы же меры не знаете. И такое ощущение, что достаточное количество «печатных» слов для того, чтобы выразить свои чувства, это не для вас.

- В мате есть экспрессия. И «непечатные» слова тоже часть языка.
- Поэт должен нести свет людям. Как Данко.
- Данко вырвал себе сердце, а ты на это не способен, – презрительно хмыкнул Кукуся.
- Откуда тебе знать? Ты не читал моих стихов.
- Но я потерял книгу, – пожал плечами признанный поэт.
- Я накидал тебе кучу ссылок!
- Ой, я не дружу с компами.
- И кто из нас из прошлого? – ехидно заметил Женя. – Но у тебя же активные страницы

в нескольких соцсетях.

– Этим занимается мой младший брат, я ему за это денег подкидываю. А сам я даже печатать не умею. Стихи записываю от руки.

– Кстати, я тоже. Вот у меня с собой и блокнот с ними есть.

– Да, я помню, таскался с каким-то.

– Тот заполнен. И стихи перепечатаны и выложены в сеть еще в прошлом году. Сейчас при мне другой. В нем еще достаточно чистых страниц.

– Ладно, давай, почитаю.

– Только не потеряй, – попросил Женя, протянув Кукусе блокнот. – Это единственный экземпляр.

– Зуб даю! – заявил Кукуся и застегнул карман, в который засунул блокнот, на молнию.

– Как прочтешь, позвони. Мне интересно твое мнение.

– Договорились.

После этого школьные приятели распрощались. Но прошла уже неделя, а признанный НЕГЕНИЙ НЕПРИЗНАННОМУ гению так и не позвонил.

...С охапкой кленовых листьев Женя покинул парк. Букет получился таким красивым, что хотелось его подарить кому-нибудь. Если бы Бородину не нужно было на работу, он вернулся бы домой и преподнес его маме. Но его ждали на киностудии, поэтому Женя продолжал двигаться по направлению к метро.

Снова вспомнилась Татьяна. Они жили в одном районе, это выяснилось, когда в беседе был затронут парк, в котором еще пять минут назад Бородин собирал листья. Таня, в отличие от него, гуляла по нему еще девочкой. Женя же с мамой и дедом всего четыре года назад переехал в эту часть города. Раньше жили близко к центру, в огромной трешке. Но дядька, рассорившийся с отцом и сестрой, тот самый, что устроил племянша на работу, потребовал своей доли, пришлось размениваться.

«Странно, что я за эти четыре года ни разу не встретил Таню в парке, – думал Женя, шагая к метро. – Все, кто живет неподалеку от него, там бывают. Я же через него хожу на метро каждый день...»

Бородин приостановился. Достал телефон и стал смотреть фото, что присылала ему Таня. Все это были домашние сэлфи. По сути одинаковые. Но на одном девушка особенно Жене нравилась, она была заснята на фоне открытого окна. Качество снимка оставляло желать лучшего, поскольку свет падал неправильно, но на нем Таня была живой и непосредственной. Ветер раздул ее челку, она упала на глаза, и девушка задорно поглядывала из-под нее в объектив. Бородин остановился именно на этом фото. Но его интересовало не лицо девушки, а то, что находилось за окном. Он увидел двухполосную шоссе-ную дорогу, остановку автобуса, за ней трехэтажное здание и выглядывающую из-за его крыши верхушку стеклянной пирамиды.

Оглядевшись, он ничего похожего не заметил. Решил обратиться к проходящей мимо пожилой женщине:

– Извините, вы не узнаете это место? – и сунул ей под нос телефон.

Бабка сумрачно глянула на Бородина из-под очков и проворчала:

– Я себя порою в зеркале не узнаю, у меня катаракта.

– А пирамида где, не подскажите?

– В Египте.

– Не каменная – стеклянная.

– В Париже. Рядом с Лувром.

Поняв, что от продвинутой в географии бабки ничего не добьешься, Женя собрался двинуться дальше, причем напрямик до станции, но та его остановила:

– Магазин тебе нужен?

– Нет, здание в форме пирамиды. Из стекла.

– Такого нет в округе. Но имеется торговый центр с остроконечной крышей. Вроде стеклянная она.

– И где он?

Бабуля объяснила. Оказалось, идти до «Пирамиды» от силы минут семь. Ее не видно за девятиэтажками. А если зайти во дворы, то крыша сразу покажется, поскольку дальше – трехэтажная застройка. Таня совершенно точно живет где-то рядом.

Женя сам не знал, зачем ему нужно заниматься этой разыскной деятельностью, тем более на работе нужно быть через час, но он поддался порыву.

«Я найду ее дом, – говорил он себе, торопливо шагая, – и тут же напишу. Она постоянно в сети и мгновенно реагирует на каждое сообщение. Спрошу, где она, если ответит – дома (она говорила, что работает, не выходя из него), скажу – спустись к подъезду, я тут. Сейчас будний день, если супруг имеется, он наверняка отсутствует. Хотя я же спрашивал, замужем ли он она, Таня отвечала отрицательно. Но добавляла, что живет не одна. С родителями? Ребенком? Так ничего страшного... В конце концов, я только лишь хочу вручить ей букет и прочесть несколько строк, родившихся в голове, пока гулял по парку. При всем уважении к Александру Сергеевичу и восхищении его стихами, я осеннюю пору унылой не считаю...»

Женя Бородин сам удивился тому, как скоро отыскал нужное место. Причем не только дом. Он и окно определил. Шестое слева на первом этаже. Над ним нависал фонарь, и он тоже вошел в кадр. Женя зашагал к окну, набирая при этом текст сообщения. Дойдя до него, отправил. После этого поднял глаза и увидел...

Татьяну!

Через тюлевую занавеску она смотрела на улицу.

«И часто целый день одна сидела молча у окна...» – припомнил пушкинские строки Евгений. Они относились к Татьяне Лариной. Но пришлось как нельзя кстати в данную минуту.

Судя по тому, что девушка чуть подалась назад и повернула голову, сообщение Бородина дошло, и она взяла телефон или планшет, чтобы его прочесть. Тюль был прозрачный, похожий на сетку, и он видел, как Таня улыбается. Она рада его сообщению! Это обнадеживает...

Женя сделал шаг к окну. Встал прямо под ним. Приготовил букет, чтобы вручить его Тане. Ей даже не обязательно выходить к подъезду, достаточно открыть форточку.

Когда она снова повернулась к окну, Женя помахал ей.

Татьяна, увидев его, вздрогнула. Улыбка с ее лица сошла, лицо окаменело.

Несколько секунд Женя и Таня смотрели друг другу в глаза через дымку сетчатой занавески, пока обзор не закрылся. Это девушка задвинула ночную портьеру...

Все равно что захлопнула дверь перед носом Бородина.

Он неловко помялся. Посмотрел на букет, который держал перед собой, как первоклассник, и отшвырнул его от себя. Затем развернулся и пошел прочь, не зная о том, что через щелку за ним наблюдают...

Глава 2

Итак, она звалась Татьяной...

Как ее любимая пушкинская героиня. Фамилия у Тани была не Ларина – Сомова, сестру звали не Олей, а Аней, жили они не в деревенской глуши, а в столице, но в остальном барышни были очень похожи. Можно сказать, Таня Сомова оказалась живым воплощением книжного персонажа. «Дика, печальна, молчалива...» – все это относилось и к ней. Как и: «Ей рано нравились романы, они ей заменили все...» и прочее-прочее. Сестра-близнец имела совершенно иной характер. Диаметрально противоположный. Таня, опять же ассоциируя их с героями романов, считала, что они как доктор Джекил и мистер Хайд. Только в одном возрасте...

И теле.

Таня и Аня были сиамскими близнецами.

Они родились двадцать семь лет назад в Казахстане. Родители работали на космодроме «Байконур», да и жили Сомовы неподалеку. В их краях часто дети с патологиями рождались, но чтоб с такими...

Времена были непростые. Советский Союз развалился, все летело в тартарары... Беременную маму практически не наблюдали, УЗИ сделали единожды, на раннем сроке, сообщили, что у нее двойня и выписали какие-то космически дорогие, как «Байконур», витамины – врача волновал только свой заработок, а с продажи он получал процент. Роды были не просто сложными. Они едва не убили мать. Акушер не был готов к тому, чтобы принимать сиамских близнецов. И все же он смог. В больнице без оборудования и лекарств (йод, анальгин и физраствор – не в счет) на свет появились сестренки с общим телом. Две головы, шеи, у каждой по сердцу и паре легких, но остальное – общее: желудок, печень, почки, мочеполовая система. За левые конечности, руку и ногу, отвечала одна, за правую – другая. Малышки плакали в унисон, но двигались по-разному. Впоследствии научились координироваться и освоили вязание и езду на велосипеде.

Женщина, что произвела девочек на свет, долго отходила после родов. Двойняшки буквально разорвали ее. Пока мать балансировала между жизнью и смертью, отец узнавал, куда можно пристроить Таню и Аню. Он считал, что отказ от них естественен. Таким детям лучше в специализированных учреждениях, где за ними будут ухаживать профессионалы. Да, папа понимал, что не все дома инвалидов (а точнее – мало какие) пригодны для нормального существования, но Таня и Аня не просто девочки с психическими или физическими отклонениями, каких множество, они уникальные близнецы, такие интересны и исследователям, и журналистам. Но когда его супруга пришла в себя, то категорически отказалась расставаться с малышами. Она решила воспитывать их сама, но не без помощи квалифицированных специалистов. Одна беда – там, где они жили, таковых не имелось. Пришлось семье Сомовых переезжать.

Около года они пробыли в Алма-Ате. Мыкались по частным квартирам, поскольку на те деньги, что они выручили от продажи своей, не смогли купить даже комнату. Девочек наблюдал отличный доктор, знающий и добрый, он же выбивал для них пособия. Но поскольку врачи в Казахстане получали раз в двадцать меньше, чем в Китае, тот уехал в Поднебесную. Пациенток передал другому доктору, но он не смог найти контакт ни с близнецами, ни с их родителями. На счастье Сомовых, Таней и Аней вскоре заинтересовался Московский институт педиатрии. Семья переехала в Россию. Там ситуация с медициной тоже была аховой, а жилищный вопрос встал еще острее, но здорово помог главный врач больницы доктор Голдблум, с чьей легкой руки Сомовы и попали в Москву. Сначала все жили при клинике, а когда вопрос с гражданством решился, семья получила небольшую квартирку. Но Таня с Аней там только гостили – больница стала их домом...

Или тюрмой.

Тут мнение сестер разделялось. Аня считала себя пленницей. Она ненавидела больницу и не скрывала этого от сестры.

– И ты называешь это домом? – яростно шептала Аня на ухо Тане. – Нас содержат как преступников.

– Что за глупости? – мягко возражала та. – Мы живем в красивой комнате...

– Палате.

– Но не камере же. Нас отлично кормят, нам приносят игрушки, книжки... О нас заботятся.

– Как о зверях в зоопарке, да? – Аня хватала игрушку или книжку, лежащую на прикроватной тумбочке, и швыряла в окно. – Они за решеткой сидят, и мы тоже.

– Мама сказала, это для нашей же безопасности. Мы можем ненароком выпасть из окна.

– Ее послушать, так все вообще ради нас делается.

– Но это так.

– Они пускают по нам ток и колют всякой дрянью. Они нас изучают.

– Чтобы помочь.

– Не нам – себе. Мы даже хуже зверюшек из зоопарка. Мы подопытные крысы. На нас опыты ставят, чтобы сделать научную работу...

Этот разговор впервые состоялся, когда девочкам было по восемь. Они к этому возрасту умели читать и считать в уме (письмо им пока не давалось, только рисование) и по уровню развития не отставали от сверстников. Точнее, не отставала Таня, а Аня опережала многих восьмилеток. Она самостоятельно освоила грамоту и счет и научила этому сестру. Также она отлично знала географию. У девочек имелся резиновый мяч-глобус, и Аня запомнила не только названия континентов и океанов, но и большинства стран, крупнейших рек. Зато Таня знала множество стихов и хорошо их читала.

– Артистка, – улыбались медсестры, слушая Таню.

– Хулиганка, – качали головами они, подбирая вещи, которые Аня кидала на пол, когда злилась.

Управляться с ней было все труднее. К десяти годам девочка начала проявлять настоящую агрессию. Детей, что лежали с сестрами Сомовыми в одном отделении, била, пока они не начали их избегать. Могла запустить тарелкой в нянечку или укусить доктора. Доставалось и маме, которую Аня считала предательницей. Бросила их в тюрьму, которую все почему-то называют клинкой, чтобы дети-инвалиды ее личной жизни не мешали. Но отец еще хуже. Оставил их, завел себе НОРМАЛЬНУЮ семью. Мама больше не могла иметь детей, а та, другая тетя, новая, родила ему здорового ребенка. Да еще и мальчика, о котором он так мечтал.

Однажды в их палату зашел профессор Голдблюм, чего не делал давно. Он изучал их несколько лет, но, написав кандидатскую диссертацию, а затем докторскую, потерял к Тане и Ане интерес. И тут вдруг появился...

– Как мои девочки поживают? – спросил он у сестер, схватив стул и усевшись на него, как на коня.

– Хорошо, – ответила Таня с улыбкой. Она соскучилась по профессору. Аня же его терпеть не могла, как и всех в больнице. Но Голдблюма, пожалуй, больше остальных, потому что именно он ставил над ними опыты, как над крысами.

– А ты, Аня? – обратился он ко второй сестре, поскольку она промолчала. Девочка пожала плечом. – Опять не в настроении? И что послужило причиной на сей раз?

– Голова болит, – буркнула Аня.

– Это потому, что вчера ты сильно перевозбудилась. Мне рассказали об истерике, которую ты закатила перед сном.

– Я хотела посмотреть кино, а мне не дали.

– Отбой в девять, а фильм начинался позже.

– Мы не в тюрьме, – завела привычную песню Аня. – И не обязаны отходить ко сну, когда прикажут.

– Во всех больницах есть режим, – заметил профессор. – А еще в санаториях, летних лагерях. Да и дома все дети ложатся в определенное время.

– Дома и я бы легла, но вы нас туда не отпускаете.

– Да я бы выписал вас хоть сейчас, – в сердцах воскликнул профессор, – только на что вы жить будете?

– На мамину зарплату и пособие, – заявила Аня.

– Анечка, – вздохнул Голдблюм, – тебе кажется, что ты очень развитая для своего возраста и знаешь ответы на все вопросы, но, поверь, в жизни все не так, как тебе представляется. Там, за стенами больницы, весьма жестокий мир.

– Если вы о том, что в нас будут тыкать пальцем, так мы это знаем. К насмешкам и травле тоже готовы. – Аня всегда говорила «мы», отвечая за себя и сестру, даже в том случае, когда их мнения разделялись.

– О нет, я о другом, – покачал головой профессор. – Мы же с тобой финансовый вопрос обсуждали. Если вы переедете домой, мама не сможет работать. Она всю себя посвятит уходу за вами. Что в этом случае остается? Пособие. Ты знаешь его размер? Нет, конечно. Как и то, во сколько обходится содержание вас. Еда и одежда, которую придется шить на заказ, ерунда. Книжки и игрушки тоже. обойдетесь без них, если прижмет. Но не без витаминов и таблеток. Ваш организм хрупок и сложен, но он на пороге перестройки, и как она пройдет, я не могу спрогнозировать. Здоровые дети тяжело переносят половое созревание, вы же у нас особые девочки...

– Мы готовы рискнуть.

– А ваша мама – нет. Вы все, что у нее есть.

– То есть мы так и останемся тут? – ахнула Аня.

– Нет, – улыбнулся профессор. – Именно поэтому я и явился к вам сегодня. Вас ждет новое место жительства. И, надеюсь, оно вам понравится.

– Вы что, отправляете нас в Америку? – воскликнула Аня.

– Почему именно туда? – опешил профессор.

– Она где-то прочитала о том, что в США имеет успех шоу уродов, и артистов для него ищут по всем странам, – объяснила Таня. – Боятся, что вы нас продадите в цирк.

– Не беспокойся, Анечка, никто вас продавать не собирается. Как и отправлять за океан. Вы переезжаете на другой конец Москвы в медико-биологический исследовательский центр.

– И это делается ради нашего блага?

– Естественно. Как я уже сказал, вы вырастаете и скоро станете девушками...

– То есть педиатры вытянули из нас все, что могли, теперь по нам диссертации будут писать другие специалисты? – зло фыркнула Аня.

Голдблюм оставил это замечание без ответа. Он поражался недетской проницательности Ани. Иной раз, общаясь с ней, профессор забывал, сколько ей лет, казалось, тридцать, не меньше. Но едва она начинала говорить глупости, типа той, что их с сестрой продадут в цирк уродов, все становилось на свои места.

...В исследовательском центре Сомовых продержали четыре года. Ане там нравилось больше – нет раздражающей малышни, как в педиатрии, отбой в десять, телевизор в палате и врач – женщина, а не этот противный Голдблюм, Таня же страдала от разлуки с мамой. Теперь она навещала дочерей раз в неделю. Девушками сестры стали в двенадцать. Аня морально созрела раньше, а Таня дозревала еще несколько лет. Аня первая начала испытывать сексуальное возбуждение до того, как у сестер начали расти груди. А так как половая система у девочек была общей, то вторая чувствовала себя не в своей тарелке, когда ощущала жар между ног. Ей было и противно, и стыдно, и боязно. Она умоляла Аню перестать думать о сексе,

но ту просто раздирали желания. Она хотела и актера Домогарова, и медбрата Костика, и... доктора Васильеву. Когда Таня узнала об этом, два часа проплакала. А Аня козырнула словом «бисексуалка», применив его к себе, и предалась своим любимым эротическими фантазиям, чем довела сестру до истерики. Не стоит и говорить, что доктор Васильева была в восторге от происходящего – ее статьи об особенностях пубертатного периода сиамских близнецов публиковали не только российские, но и зарубежные издания.

Пятнадцатилетие сестры Сомовы отмечали дома. Их не просто отпустили – выпихнули. Профессор Васильева уехала на ПМЖ в Канаду, а никому другому сестры были неинтересны. Их изучили досконально. Они были прочитанной книгой в двух томах... И подопытными крысами.

Спустя годы Таня поняла, как была права Аня.

...А Аня поняла, как была права.

Жизнь вне «клетки» оказалась адской. И не нехватка денег удручала больше всего, а отношение окружающих. Ане думалось, что она готова к насмешкам и даже травле. Но одно дело иногда выходить на улицу, а остальное время проводить среди сочувствующих и понимающих людей: медработников и тех, кто, как и ты, имеет какой-то порок, а другое – обитать в каменных джунглях. Аня первое время пыталась жить обычной жизнью. Думала, получится. Она же интересная, умная, сильная... Но чем больше она тянулась к людям, к свободе передвижения и самовыражения, тем острее ощущала свою ущербность. «Я как участник шоу уродов, – кричала она гневно. – Только мне за это денег не платят!»

И Аня замкнулась. Тане все сложнее было уговорить ее куда-то сходить. Ей тоже было неприятно, когда в них с сестрой тыкали пальцами, но она с этим справлялась. Потому что понимала: они не такие, как все, и глупо ждать к себе обычного отношения. Оно всегда будет особым, по большей части негативным. И за это нельзя ненавидеть окружающих, а тем более что-то им доказывать.

Учились девушки на дому, поэтому особой необходимости в том, чтобы покидать квартиру, не было. Таня всегда мечтала ходить в библиотеку, театр, кино, но Аня твердила, что благодаря интернету можно читать книги, смотреть постановки и фильмы, не вставая с дивана. Почти все время сестры проводили в четырех стенах, лишь иногда выбираясь на прогулку, но делали они это ночами. Когда Аню и Таню только выписали из больницы, мама хотела уволиться с работы, но девушки уговорили ее этого не делать. Они не немощные, не бестолковые, не малолетние, сами справятся с бытовыми проблемами.

Сестры Сомовы получили аттестаты в семнадцать. О дальнейшей учебе не шло речи. Слишком много препятствий было на пути к получению специального образования, а также применению впитанных знаний впоследствии. Кто бы взял их на работу? Так что Аня и Таня решили самообразовываться посредством интернета.

Аню интересовали труды экономистов и физиков, Таню – философов и историков. Первая, кроме того, посещала сайты, где учили быстро зарабатывать, вторая виртуально блуждала по музеям и галереям мировых столиц. Вместе они смотрели документальные фильмы о гениях. Среди них были и физики, и лирики, и интерес был у сестер взаимным. Поскольку компьютер в то время у Сомовых был один, то пока одна погружалась в изучение интересующего ее материала, вторая посвящала время хобби. Аня разгадывала сложнейшие кроссворды, Таня занималась цветами. Она спасла их от гибели, забрав у соседа, который купил запущенную квартиру вместе с хламом и собрался от него избавиться. Сестры видели, как он таскает барахло на помойку, и попросили все не выбрасывать. Ане понравился допотопный радиоприемник, который ей хотелось починить, а Тане цветы. Обе получили желаемое. А в придачу – симпатичную этажерку. Приемник Аня доломала окончательно, спалив все его внутренности, зато цветы получили вторую жизнь. Они не просто окрепли и посвежели, а стали цвести. Даже кактус, о который сигареты тушили. В общем, сестры Сомовы не могли пожаловаться на скуку.

Они постоянно были чем-то заняты, и, несмотря на то что с окружающим миром контактировали мало, недостатка в общении не ощущали. Ведь у каждой из них всегда был приятный собеседник...

А мама Ани и Тани потихоньку сходила с ума...

Сестры этого не понимали. Им было не до нее. Девушки привыкли к тому, что их родительница существует дистанционно, поэтому, находясь с ней в одной квартире, не всегда маму замечали. Они встречали ее с работы, кормили ужином (готовить девушки научились быстро), беседовали с ней, но недолго. Она стала им почти чужой. Даже Таня, которая была привязана к матери больше сестры и не таила на нее детских обид, не горела желанием проводить с ней больше времени.

Та все понимала, кроме одного... Как жить дальше?

Ей пятый десяток. Мужа нет, как и хорошей работы. Перспектив – тем более. Зато имеются две особенные дочки, с которыми она делит единственную комнату в квартире. И они с ней до самого конца! Не потому, что их не оставишь одних. Аня с Таней отлично справляются без матери. А вот ей некуда деваться! Коли не нашла себе мужика, когда была моложе и обитала одна в квартире, то сейчас вообще никаких шансов. Зато бывший муж – в шоколаде. У него жена, сын и никакой ответственности за дочек. Зря она не послушала его и не отказалась от дочек. Все равно ее жертва осталась не оцененной, в том числе Аней и Таней. У них свой мир, в который маму пускают только на время и как гостя.

* * *

Как-то Аня предложила сестре сыграть в карты. Та удивилась. Они любили лото и домино. Развлекали себя крестиками-ноликами и морским боем. Бывало, плевались из трубочек бумажными шариками в портреты или в них же метали самодельные дротики. Но карты сестер Сомовых не увлекали.

– Хочу отработать на тебе некоторые приемы, – пояснила Аня. – Понятно, что я буду играть виртуально, но с живым человеком тренироваться сподручнее.

– То есть на сайтах, где учат скорому обогащению, просто втягивают людей в азартные игры? – решила уточнить Таня.

– Не без этого. Но у меня цель заняться биржевыми сделками. Чтоб играть по-крупному, нужен стартовый капитал. Интернет-покер дает шанс его заработать. Так что давай натаскаем меня на него.

– Нет, Аня! – решительно отказалась Таня. – Я не позволю тебе стать игроманом.

– Мы не живем – существуем, – с болью воскликнула Аня. – Сводим концы с концами. Неужели тебе не хочется улучшить наше материальное положение?

– Хочется, но...

– Боишься, что я впаду в зависимость?

– Ты впадешь, – вскричала Таня. – Я же тебя знаю.

– Тогда давай договоримся так: играем вместе, – предложила Аня. – Когда я неоправданно рискую, ты меня тормозишь. Установим максимальный размер ставки на кон и проигрыша.

– Ты меня не слушаешь...

– Значит, в качестве игрока мы заявляем тебя. И именно ты сможешь поставить финальную точку в игре.

Татьяна согласилась, и сестры Сомовы начали учиться покеру.

Забыто было все: физика с социологией, философия с историей, даже цветы перестали получать привычную заботу. Аня с Таней посвятили себя карточной игре, чтобы сделать на ней деньги.

Наконец, почувствовав себя готовыми, девушки вступили в игру.

Поначалу это было скорее развлечение. Поставил копейки, проиграл их, потом выиграл, все одно – мышинная возня. Но со временем все изменилось. Пошло, как говорила Аня, крутое месиво. Сестры стали получать реальную прибыль. Поскольку Татьяна контролировала сестру, они оставались строго в плюсе. И смогли себе позволить новые телефоны, еще один компьютер, швейную машинку, бытовую технику. Естественно, близняшки большую часть времени проводили, уткнувшись в мониторы. Готовить перестали. Заказывали доставку на дом пиццы или гамбургеров, всегда на троих, но мама ела свой ужин одна. Ее уволили с работы, и она даже сообщила об этом дочерям, но заметила, что ее как будто не услышали. Иначе не спросила бы Аня через месяц, почему родительница в будний день дома сидит.

У сестер были грандиозные планы на будущее. Они мечтали о новой квартире и машине с шофером... А когда еще мечтать, если не в восемнадцать? Тем более когда, что называется, прет!

Сомовы сделали крупную ставку. Причем Таня не только не отговаривала от этого сестру, а даже подначивала. Для того чтобы принять участие в крупном интернет-турнире по покеру, необходимо было внести пять тысяч долларов. Выигрыш – сто! Никакого кидалова, реальные бабки. Все скидываются, как за обычным столом, и победитель срывает банк. Сомовы решили поучаствовать. Но пять тысяч долларов – сумма немалая. Пришлось занимать. Одолжить деньги согласился бывший мамин начальник. Потому что обещали вернуть их с процентами. Даже расписку оставили, что отдадут не пять, а шесть кусков.

Близняшки дошли до полуфинала, но и только. Банк они не сорвали. Остались ни с чем...

А точнее, с долгом в размере шести тысяч долларов. Для кого-то мелочь, для них огромная сумма.

Аня с Таней были раздавлены. И так погрязли в своих переживаниях, что не заметили маминих страданий... По традиции. Просто заверили ее в том, что вернут долг ее начальнику, пусть и не сразу. А она поняла, что вот она – последняя капля. И бросилась под поезд метро.

...Похоронив мать, Аня и Таня остались вдвоем. Горевали по ней умеренно. Долги ее не возвращали. В карты больше не играли. Но в интернете по мелочи зарабатывали. И обе ждали чуда!

Почти десять лет...

Глава 3

Эд Чаплин не был гением, как его однофамилец Чарли, но огромный талант имел.

Начинал он как актер еще в детстве. Снимался в «Ералаше» и семейном сериале, но понял, что находиться за камерой, а не перед ней, ему нравится гораздо больше. Поэтому Эд поступил во ВГИК сразу на два отделения: операторское и режиссерское. Оба бросил через год. Родителям, что оплачивали учебу, сказал: «Меня учить – только портить!», собрал рюкзак, взял камеру и уехал на Урал снимать «настоящее» кино...

Снял. И, вернувшись в Москву, представил его на суд зрителей и жюри одного из кинофестивалей. Как ни странно, фильм понравился и тем и другим. Чаплин получил главный приз и обзавелся фанатами своего творчества из «простых» людей. Именно для них он хотел снимать – не для эстетов. Но не какое-то поточное дерьмо, ибо пипл все схавает, не чернуху, порнуху, кровавую баню, а фильмы, пусть и реалистичные, без розовых соплей и мелодраматических штампов, но заставляющие пусть и на полтора часа поверить в добро и справедливость.

Чаплин снял еще два фильма. Но оба телевизионных. Хотелось же большого метра. Однако под те сценарии, что Эду приходились по вкусу, денег никто не давал. Он был на грани отчаяния, когда один знакомый продюсер по фамилии Панфилов прислал ему по почте повесть казахского прозаика, недавно переведенную на русский. Сказал, что та затронула его душу и, если Чаплин адаптирует ее под сценарий, он согласится финансировать фильм. Эд прочел произведение за пару часов и некоторое время находился в замешательстве. Да, оно было неплохим, но не сказать, что выдающимся. Хотел отказаться, но стал представлять сначала героев, затем придумывать раскадровку, крупные планы – и загорелся.

Сценарий Чаплин написал за ночь. Утром отправил продюсеру. Тот остался доволен результатом, но относительно концовки у него были сомнения. Дело в том, что Чаплин ее переделал, а писатель категорически не желал ничего менять в своей истории. Но Эд тоже встал в позу и заявил, что авторский финал его не устраивает. Пришлось продюсеру устраивать встречу Эду и Нурлану Джумаеву (так звали прозаика) в одном из ресторанов.

Когда Чаплин увидел его, то решил, что ошибся: администратор столики перепутал. Потому что мужчина, что сидел за тем, к которому его подвели, не мог написать пронзительную историю запретной любви. Разве что о поднятии казахской целины или сборе урожая. На вид писателю было лет шестьдесят пять – семьдесят, он имел затрапезный вид и сонный взгляд. Не творец, а собиратель хлопка, вымотанный годами непосильного труда. Такой не то что книги писать – расписывается крестиком...

– Извините, я, возможно, ошибся, – начал Эд, – но если вы Нурлан Джумаев, то я по вашу душу...

– Это я, – ответил старик и поправил свою тубетейку. – А вы Чаплин?

– Совершенно верно.

– Псевдоним?

– Все так думают, но это моя реальная фамилия. – Эд опустился на стул, взял в руки меню. – Вы что-то заказали?

– Чай.

– А я бы поел... Не хотите? – Старик покачал головой. – Я угощаю, если что...

Нурлан улыбнулся одними глазами. Когда они ожили, лицо старика перестало казаться глуповатым. Нет, не собиратель хлопка, а сельский учитель на пенсии. Но даже от такого не ждешь произведения, в котором сестры-двойняшки были любовницами, а когда одна из них нашла себе мужчину, занимались сексом втроем. В СССР секса как такового не было, а тут и однополый, и групповой...

– Давайте сразу к делу, – проговорил Нурлан. – Я читал ваш сценарий, и он мне понравился. Если вы переделаете концовку, я подпишу контракт...

– Но в вашей повести все главные герои умирают! – воскликнул Эд. – Получится мрачная драма. На фильм не пойдут, а я народный режиссер, я снимаю для широких масс. Мы должны сохранить жизнь одной из героинь.

– Нет, – коротко ответил Нурлан. В его произведении «брошенная» сестра не смогла отпустить вторую (она согласилась бы на жизнь втроем, но остальных это не устроило), поэтому отравила соперника. Невеста, узнав об этом, поквиталась с убийцей, отняв жизнь у нее, а потом зачала от тоски. Финита...

– «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте»? Ха! – попытался пошутить Эд. – Ваша повесть ее переплюнула.

– Вы бы переделали концовку «Ромео и Джульетты»? – с вызовом спросил Нурлан.

– На классику посягать грех. Но я не стал бы снимать кино по этой пьесе. Она, на мой взгляд, несовременна, и фильм, в котором молодой Ди Каприо играет Ромео, не воспринимаю. Сейчас все иначе...

– Человеческая природа не меняется. Мы из века в век одни и те же, несмотря на прогресс.

– Не согласен.

– Какой вы еще молодой, зеленый, – вздохнул писатель. – Ничегошеньки в жизни не понимаете.

– Да где уж мне... До вас, аксакалов! – насупился Эд. Он устал от того, что взрослые мужи не воспринимают его всерьез.

– Не обижайтесь на меня, – мягко проговорил Нурлан и подвинул к Эду чашку чая – его принесли и разлили. – Вам сколько лет?

– Двадцать четыре.

– Мне было немногим больше, когда я писал эту повесть. И тогда я так же, как и вы, считал, что умнее всех аксакалов.

– А сейчас вам?

– Пятьдесят восемь. Знаю, выгляжу старше. Потрепало меня... Но речь не об этом. И не о возрасте вообще. Оставим это. Поговорим о повести, тогда вы, возможно, поймете, почему я настаиваю на своей концовке. В первоначальном варианте история выглядела иначе. И ее не хотели печатать. Я переделал, и тогда ее опубликовали. Как эдакий горячий пирожок о запретной любви. Наш, казахский, ответ «Лолите» Набокова.

– Вы добавили жарких сцен?

– Нет, напротив, убрал некоторые. Дело в том, что изначально героини были сиамскими близнецами.

– Ничего себе, фантазия у вас, – присвистнул Эд.

– На написание этой повести меня вдохновила статья в газете. Я прочел о двух новорожденных девочках, у которых было одно тело, но две головы и шеи. Это если упростить. Легкие и сердца были парными, а вот то, что ниже, – общим. Две женщины с одним лоном, маткой... Их любовь, их сексуальные забавы, они естественны.

– А то, что одна из них нашла себе мужика?

– Тоже. Я читал литературу и могу вас уверить, что сиамские близнецы находили себе не только сексуальных партнеров, но и супругов. К примеру, сестры Блажек. Правда, они срослись в области крестца и имели каждая свое туловище и по паре рук, но половая система у них была общей. Одна из девушек, Роза, влюбилась в офицера и родила от него абсолютно здорового ребенка. Молодые смогли пожениться, но только после затянувшихся судебных тяжб. Вояку даже после смерти обвиняли в двоеженстве.

– А вторая сестра?

– Жозефина. Она была помолвлена, но жених скончался до свадьбы. Сестры Блажек умерли с разницей в четверть часа – первой ушла Роза, заболевшая желтухой, за ней Жозефина. Остальные сиамские близнецы, известные истории, также скончались в один день.

– Да, но ваши героини – суверенные личности и организмы. Та, что убила сестру, не могла умереть от тоски. Покончить с собой, да, но с такой концовкой фильм будет еще более депрессивным.

Нурлан сделал еще один глоток чая, при этом он каждый раз сощуривался, так что его и без того узкие глаза превращались в щелки.

– То есть вы еще ничего не поняли? – спросил он.

Чаплин неопределенно пожал плечами. Этот старик был как китайская шкатулка со множеством ящичков, пока все откроешь...

– Я хочу, чтобы фильм сняли по первоначальной версии повести. Точнее, это был роман. И хоть в нем была масса сексуальных сцен, не эротический. Но издатели посчитали его нудным и извращенным. Пришлось переписать. Но я до сих пор жалею об этом. Мне не так много и заплатили за издание, чтобы я мог удовлетвориться деньгами. И теперь, когда меня начали печатать в России, читатель познакомится не с тем романом, который я выстрадал, а с эротической повестью. Мне этого, конечно, не хочется.

– Но она неплоха.

– Вот именно – неплоха. А роман был прекрасен. Я регулярно его перечитываю и могу с уверенностью сказать, лучше его я не писал, а из-под моего пера, если выразаться по старинке, вышла не одна книга.

– Так выпустите роман, а фильм мы снимем по повести.

– Нет, – решительно заявил казахский писатель, – сначала мы снимем фильм, потом я выпущу роман, это коммерчески правильный ход.

– А вы разбираетесь в коммерции? – приподнял брови Эд.

– Немного, – усмехнулся Нурлан, на сей раз губами, а не глазами.

– Тогда вы должны понимать, что бюджет картины значительно вырастет, поскольку придется применять компьютерную графику, чтобы сделать сестер реалистичными.

– О, деньги не проблема. Так вы перепишете концовку?

– Весь сценарий нуждается в переделке. И я бы хотел сначала с романом ознакомиться.

– Там много переживаний и секса. Все это нам не нужно. Первое сделает фильм скучным, второе – загонит нас в рамки 18+. Так что напишите сценарий по повести, но учтите, что сестры – сиамские близнецы.

– А продюсер Панфилов в курсе ваших замыслов? – поинтересовался Эд. – Это же будет совсем другое кино.

– Это не ваша проблема. С продюсером я договарюсь.

– Как-то странно все...

– На самом деле нет. Просто вы всей информацией не владеете, – покачал головой Нурлан. – Но если у нас все получится с кино, вы все узнаете и поймете. – Нурлан допил свой чай и отставил чашку. Официанта, что подошел, отогнал движением пальца. Нет, не собиратель хлопка и не учитель. Человек с положением. Уверенный в себе настолько, что чувствует себя свободно в простецкой одежде и тюбетейке в пафосном ресторане российской столицы. – Я смотрел все ваши фильмы, Эдуард. Они затронули мою душу. Вы талантище...

– Спасибо, – проговорил совершенно не ожидавший такого Чаплин, – это очень лестно слышать.

– Что мне особенно импонирует – ваши работы откровенны, но не пошлы. Уметь балансировать на грани дано очень немногим. Если у кого и получится снять фильм по моей истории, то только у вас. Меня, признаться, сначала смутила ваша молодость, я ожидал увидеть более зрелого человека. Да, почему-то мне не пришло в голову ознакомиться с вашей биогра-

фией... Но сейчас я понимаю, что в этом тоже свой плюс. Вы так же чисты и наивны, как и я на момент написания романа.

– О, я бы все же нас не сравнивал, – запротестовал Эд. – Мы люди не просто разных поколений – эпох, и, я вас уверяю, мы, современная молодежь, повзрослели и поумнели значительно раньше, чем вы...

– Вам в этом помог Гугл? – усмехнулся Нурлан. – Когда доживете хотя бы лет до сорока, вы поймете, о чем я. – Он сунул руку в карман своего старомодного пиджака, который, как теперь видел Эд, был сшит из превосходной шерстяной ткани, и достал бумажник. Открыв его, вынул купюру, положил ее на стол. – К сожалению, мне нужно идти, дела... Надеюсь, эта наша встреча – не последняя. До свидания, Эдуард.

И ушел. А Чаплин остался, чтобы поужинать. Однако съесть смог только салат, да и тот не до конца. Отвлекали мысли о новом сценарии, и кусок в горло не лез. Отставив тарелку, Эд достал планшет и стал торопливо печатать, чтобы не упустить их.

...С той встречи прошло четыре месяца. Фильм по книге Нурлана Джумаева был запущен в производство. Но Эд не снял ни одного дубля, поскольку не мог найти актрису на главные роли. Чаплину никто не нравился. Категорически! Он браковал одну артистку за другой, хотя в пробах участвовали все молодые звезды, – о столь сложных ролях мечтали многие и готовы были ради них отказаться от денежных проектов. Эд же хотел снять никому не известную девушку. Желательно провинциалку. Поэтому он объехал множество «уездных» театров, пересмотрел кучу постановок, но все впустую...

«А воз и ныне там».

Радовало одно – Чаплина не торопили. Как оказалось, финансирование картины целиком взял на себя Джумаев. Тот, кого Эд принял за сборщика хлопка, оказался казахским миллиардером и готов был терять деньги ради идеального результата – ему тоже ни одна из актрис не понравилась. А вот исполнителя главной мужской роли он одобрил. Его Чаплин уже снимал в одном из своих телефильмов. Иван Охлопков играл в нем даже не второстепенную – эпизодическую роль, пребывал на экране какие-то полторы минуты, но в душу режиссера запал. В этом актере было столько самобытности и огня, что Эд твердо решил взять его в свою следующую картину. Правда, у Охлопкова было комедийное амплуа. И все из-за хромоты. Одна нога Ивана была значительно короче другой, что лишало его возможности стать главным героем мелодрам или боевиков. Артист с физическим недостатком органично смотрится в трагедиях и комедиях, а так как Иван ненавидел, когда его жалели, то приучил всех смеяться над собой. Но звездой комедий он стать тоже не мог. Мешало красивое лицо и завораживающий взгляд пронзительно-зеленых глаз. Поэтому Охлопков был на вторых ролях, снимался часто, получал хорошо, и его это устраивало до тех пор, пока не оказалось, что Эд Чаплин видит в нем потенциал. Иван поверил в то, что молодой режиссер может вывести его в звезды первой величины, поэтому согласился на трагическую роль. Желая приступить к работе как можно скорее, он изводил Чаплина звонками. Когда Эд перестал ему отвечать, артист начал подкарауливать его в самых неожиданных местах, например в стоматологической клинике. Откуда Иван узнал, где Чаплин лечит зубы и в какое время, осталось загадкой. Тот сделал вид, что встреча была случайной.

Когда Иван в очередной раз подловил Эда, на сей раз в ресторане, тот не выдержал:

– Будешь меня преследовать, сниму с роли, – рявкнул он.

– Эд, я нашел, – выпалил тот и схватил Чаплина за руку. – Пойдем покажу.

– Что? Клад?

– Да, именно.

– Ты не в себе, Ваня... – покачал головой Эд и вернулся к ростбифу.

Но Охлопков не унимался:

– Хватит жрать, пойдем скорее, ты должен видеть. Это тот человек, который нужен нашему фильму. Идеальный кандидат на главную роль...

– Ты нашел актрису?

– Да, да, – торопливо закивал Иван и отобрал у Эда приборы. – Торопись, а то уйдет.

– Ты что, ее сюда за ручку привел и оставил у входа?

Но Охлопков на вопрос не ответил, хромая больше обычного, поспешил к дверям. Эду ничего не оставалось, как последовать за ним.

Режиссер и актер вышли на улицу. Ресторан находился на Арбате, и совсем неподалеку кто-то выступал. Человека окружила толпа, кто-то смеялся, кто-то хлопал. Иван растолкал людей, чтобы дать дорогу Эду. Тот увидел перед собой худенького кудрявого парня, держащего куклу – тонкую, бледную балерину. Она жеманничала и заигрывала со зрителями мужского пола, проговаривая слова тонким, чуть гнусавым голоском.

– Чревовещатель? – недоуменно спросил Чаплин у Ивана. – Зачем он нам?

– Да ты посмотри на него повнимательнее, и все поймешь...

Эд скептически воззрился на артиста. Но через несколько секунд попал под его обаяние. Талантливый парень, ничего не скажешь, а как умело управляет куклой и меняет голос на женский.

– Они как сиамские близнецы, не находишь? – шепнул Иван.

И Эд был вынужден признать его правоту.

– Попробуй его на главные роли, уверен, он справится.

– Да ты в своем уме, Ваня? – И собрался уйти, но Охлопков преградил ему путь.

– Есть много примеров того, как хорошо мужчинам удаются женские роли.

– В комедиях положений – да, но мы собираемся снимать совсем другое кино.

– И хорошо, это будет прорыв... Заявка. Фишка. Тайна, если правильно разыграть.

Можно скрывать имя исполнителя главных ролей, тем самым подогревая интерес публики.

– Ваня, тебе придется с ним целоваться.

– Ради искусства я готов.

– Ты не гей, случаем? А этот парень не твой бойфренд?

– Нет и нет, – совершенно не обиделся Охлопков. – Мне просто не терпится приступить к работе... У меня актерский зуд, понимаешь? – Он красноречиво почесался. – Пока я под впечатлением от роли, мне хочется играть. А ты тормозишь и тормозишь съемки. Но я тебя не виню. Все кандидатки были в лучшем случае так себе. А этот парень... Да ты посмотри на него! Он двуликий. И женственный. Пол только кадык выдает, но все равно будет много графики, его убрать – плевое дело.

Тем временем чревовещатель закончил выступление. Толпа тут же рассосалась, остались только Эд с Иваном.

– Вам понравилось мое выступление? – спросил парень, убрав куклу в специальный чемоданчик.

– Очень, – заверил его Иван.

– Вы учитесь в театральном? – спросил Эд.

– Да. На кукольника.

– На актерское отделение не прошли по конкурсу?

– Точно.

– Как вас зовут?

– Марат. Марат Халиев.

– Хотите сниматься в кино?

Парень расхохотался, запрокинув голову. Его острый кадык заходил, и Чаплин тут же пожалел о том, что повелся на провокацию Ивана. Да какая из этого угловатого, пусть и смазливой мальчишки женщина?

– Вы прикалываетесь надо мной, да? – отсмеявшись, спросил Марат.

– Это режиссер Чаплин, – представил Эда Иван. – Он ищет исполнителя на две главные роли, которые должен сыграть один человек. Мы думаем, им можешь стать ты.

– Чаплин умер лет сто назад, – фыркнул кукольник.

– Всего сорок, и тебе, актеру, грех этого не знать. Перед тобой Эдуард Чаплин, современный российский режиссер.

– Ребят, если вы меня клеите, то знайте, я не гей.

– Я тоже, но целоваться нам с тобой придется. Эд, – обратился Иван к Чаплину, – покажи ему свое режиссерское удостоверение.

...Вот так с легкой руки Ивана Охлопкова они нашли главную звезду фильма. Марат блестяще прошел пробы. Он понравился всем, включая Нурлана, хотя Эд опасался, что старик в штаны воспримет тот факт, что сестер будет играть парень. И как только Халиева утвердили на роль, Чаплин объявил первую боевую готовность. Съемки фильма под рабочим названием «Сиамские» начинались завтра.

Глава 4

Нурлан Джумаев снял тибетейку и вытер вспотевшую лысину платком с монограммой. Все его вещи были эксклюзивными. Одежду, обувь, головные уборы, сумки, шарфы для него изготавливали лучшие мировые мастера. Нурлан не ходил по магазинам, только по ателье и мастерским. Фасоны выбирал классические, а по мнению многих – старомодные. И неизменно образ дополнял тибетейкой «такой».

Нурлан посмотрел на себя в зеркало и равнодушно подумал: «Какой же я старый...»

Джумаев не только выглядел не очень хорошо, он чувствовал себя так же. Его биологический возраст не соответствовал паспортному. Многие его ровесники как пацаны носятся, кто по беговым дорожкам, кто за молодыми девками, а Нурлан давно свое отбегал, уже лет десять как. Хорошо еще, ходить мог. И почка, пусть и одна, вторую отбили, неплохо работала. А вот сердце уже дважды оперировали. Печень подсаживали. Хрусталик глазной меняли. Коленные суставы наполовину искусственные...

Нурлан называл себя дедушкой-трансформером.

Вот только внуков у него не было. Как и детей. Но родной человек имелся – двоюродный племянник Абзал, которого он взял под свое крыло еще пареньком. Абзал потерял родителей в пятнадцать, Нурлан пожалел его, приютил. Думал сделать его сторожем своего шале, которое он посещал крайне редко, но не продавал, поскольку горный воздух благотворно на него влиял, а вид заснеженных вершин умиротворял. Да, можно было останавливаться в гостинице или снимать дом, но это ЧУЖОЕ, а ему нужно было СВОЕ. Нурлан был и бездомным, и рабом, и эком, треть жизни промышкался по норам, подвалам, камерам, и как только появилась возможность обзавестись своим углом, он ею воспользовался. Поначалу это был именно угол – комната в общежитии. Потом появилась квартира, затем дом, другой, третий... Остров, наконец (но от него он вскоре избавился – тропический климат не подошел). На момент, когда в жизни Нурлана появился Абзал, он владел только шале и квартирой в Алма-Ате, но шикарной не по размеру и планировке, а по оформлению. Поскольку паренек вырос в горной деревушке, Нурлан отправил его в привычные места. Тот не смел возражать, хотя мечтал о другом. Абзал хотел остаться в городе, продолжить обучение в школе – он окончил всего семь классов, затем поступить в университет, но... Если благодетель велел жить в горах и сторожить дом, так тому и быть.

Но «ссылка» долго не продлилась. Когда Нурлан лучше узнал своего племянника, ему стало понятно, что парня с таким мощным интеллектом и необузданной тягой к саморазвитию грех держать в глуши. Он забрал Абзала в город, устроил в лучшую гимназию, но сказал: «Если за год не догонишь одноклассников, вернешься в шале!» Абзал не только догнал их – перегнал. Он экстерном окончил среднюю школу. Аттестат получил вместе с ровесниками, а не с теми своими одноклассниками, которых был старше на два года.

Поскольку Абзал выиграл с десятков олимпиад, то мог выбирать сразу из нескольких вузов, готовых его зачислить на бюджетное отделение. Но Нурлан предложил ему Кембридж. Однако оплатил только подготовительную ступень (одного аттестата, пусть и отличного, а также медалей было недостаточно для поступления иностранца), а стипендии на дальнейшее обучение племянник добился сам. Когда диплом магистра международного права престижнейшего вуза Великобритании был получен, Абзал вернулся в Казахстан, несмотря на то, что мог остаться или выбрать любую другую благополучную страну. Но его тянуло на родину. Поучился за границей, посмотрел, что и как, себя проверил, и хватит. Знания свои применить он может и в Казахстане.

Нурлан был рад этому решению. Он скучал по племяннику и нуждался в энергичном, хорошо образованном помощнике, которому мог бы доверять. Он предложил Абзалу порабо-

тать на себя, набраться опыта. «Уйдешь в свободное плавание, как только почувствуешь, что готов, – добавил он. – Если, конечно, захочешь...»

С тех пор прошло шесть лет. Племянник все еще оставался при Нурлане. Но не потому, что не чувствовал себя готовым к свободному плаванию... Он не мог бросить дядю. Тот болел все чаще, и львиную долю забот о бизнесе взвалил на себя Абзал, при этом все еще формально оставаясь юридическим консультантом.

...Нурлан нахлобучил тюбетейку, вымыл руки и покинул уборную.

Он находился на киностудии, где будут проходить съемки ЕГО фильма. Начнутся они завтра, но сегодня Нурлан приехал для того, чтобы посмотреть декорации.

– Вы бы сказали мне, что интересуетесь, я бы вам фото и видео прислал, – сказал ему на это Чаплин. Он находился в павильоне вместе с оператором, осветителем и парой помощников.

– Я лучше своими глазами...

– Как пожелаете.

– Передо мной сейчас квартира сестер?

– Точно.

– А где пианино? – По сценарию девушки часто играли на нем.

– Позже появится. Пока оно только мешать будет.

– Но оно же должно быть в кадре.

– Завтра снимаем двадцать девятую сцену, в ней все действия происходят в спальне, – терпеливо объяснил Эд. Первое время он раздражался, когда Нурлан задавал ему дилетантские вопросы, потом привык к ним. Лучше разъяснить все старику, чтоб не переживал лишний раз.

– Инструмент уже куплен?

– По-моему, нет. А что?

– Это непременно должно быть черное фортепиано «Украина».

– Хорошо, я позвоню реквизитору, скажу, чтоб поискал... Но мы всегда можем выкрасить инструмент и сменить на нем табличку.

– Нет, это будет не то, – заволновался Нурлан. – Не звоните никому, я сам найду нужное пианино и доставлю его сюда.

– Чудной вы старик все же, – усмехнулся Эд.

– Все старики чудные.

– Это точно. Вот, к примеру, моя бабуля...

И принялся рассказывать какую-то смешную, как ему казалось, историю. Но Нурлан не слушал, он вспоминал черное пианино «Украина», на котором играли его мама и сестра, чаще по отдельности, но иногда в четыре руки. Женщины семьи Джумаевых были музыкально одарены, тогда как мужчинам на уши наступил медведь.

У Нурлана было счастливое детство. Отец работал на закрытом «космическом» предприятии, мама преподавала в школе. Старшая сестра Зара училась на «отлично» и в общеобразовательной школе, и в музыкальной. Братика оно обожала, с удовольствием нянчилась с ним. Но избегала подвижных игр. Никаких тебе догонялок, салок, войнушки. Только кубики, раскраски, угадайки. Нурлан рос непоседливым пацаном, и ему быстро надоедали настольные игры, он хотел носиться, прыгать, кидаться подушками. И когда сестра отказывалась делать это вместе с ним, обижался. Но лишь до тех пор, пока родители не объяснили ему, что у Зары больное сердце и физические нагрузки ей противопоказаны. О том, что девочка вряд ли доживет до двадцати, они от Нурлана скрыли.

Мальчику было десять, когда Зара слегла. Она к этому времени окончила школу, собиралась поступать в консерваторию. Но болезнь этому помешала. Однако она не убила Зару. Сестра была борцом. Она не желала сдаваться смерти без боя. Только не сейчас, когда отец нашел специалиста, готового взяться за сложнейшую операцию на сердце Зары. Работал он по экспериментальной методике. Гарантий никаких не давал. Но обреченные на смерть люди хва-

тались за последнюю соломинку, поэтому очередь к доктору была огромной. Половина больных не дожидались и умирали. Зара тоже не дотянула бы, хотя изо всех сил цеплялась за жизнь, если бы не освободилось место в очереди, а отец вовремя не среагировал.

Сестру прооперировали, и она пошла на поправку. Джумаевы ликовали.

Пройдя реабилитацию, Зара поступила-таки в консерваторию. Отучилась в ней. К тому времени и Нурлан окончил школу. Но решил отслужить в армии сначала, а уж потом определяться с профессией. Родные поддержали. Отец сам сначала отдал долг родине, а только после этого поступил в институт. Мама считала, что армия научит сына дисциплине. Сестра видела, что Нурлан разрывается между физикой и лирикой – он был одинаково хорош и в точных науках, и в гуманитарных. И парень пополнил ряды бойцов Советской армии.

Служил он в Чеченской Республике. Было трудно, но Нурлан ни разу не пожалел о том, что пошел в армию. Единственное, что омрачило все, – это то, что он не успел на похороны сестры. О том, что она скончалась, он узнал, будучи дембелем. Ему оставалась неделя до приказа, и раньше этот приказ ему никто подписывать не собирался. Нурлан едва не дезертировал, желая попасть на похороны – хорошо, товарищ не позволил. Надавал тумачков и к койке привязал, пока мозги на место не встанут. «Сестре ты уже ничем не поможешь, а себе жизнь испортишь, – рычал он в ухо Нурлану. – У родителей только ты остался. Кто поддержит их, когда тебя под трибунал отдадут?»

Нурлан вернулся домой, когда со смерти сестры прошла почти неделя. Если бы Джумаевы были христианами, он попал бы на помин девятого дня.

У Зары забарахлило, а вскоре отказало сердце. Операция лишь ненадолго продлила ее жизнь. Отец суетился, пытался найти очередного чудо-доктора, но в СССР нужных специалистов не было. Сестре требовалась операция по пересадке сердца, а в те годы на это были способны единицы. В ЮАР, США и Швейцарии Заре могли помочь, но только не на родине. Тогда между Советским Союзом и Западом был железный занавес, выехать – проблема. Отца же не выпускали даже в страны социалистического лагеря. Но он обивал пороги высоких кабинетов в надежде на то, что разрешат выехать жене и дочери. На лечение последней требовались большие деньги, но он готов был занимать, продавать нажитое...

И, как оказалось, предавать родину.

То, что старший Джумаев пошел на государственную измену, выяснилось через несколько месяцев после похорон. За мужчиной явились суровые дяденьки из КГБ и увезли в наручниках из дома. Больше жена и сын его не видели. Свидания с ним были запрещены. Разрешены только письма. Но их от папы пришло всего три, в четвертом, отправленном с привычного адреса, Джумаевым сообщили, что муж и отец расстреляны за измену Родине. Нурлан считал, что произошла чудовищная ошибка и его родителя обвинили ни за что, пока не нашел его дневник. Как оказалось, папа «слил» секретную информацию еще тогда, когда Заре нужна была первая операция. Он продал ее за приличные деньги, и они помогли выкупить место в очереди. Тогда ему все сошло с рук. Отец долго в это не верил, очень переживал и зарекся не преступать закон, но... Его любимая дочь вновь оказалась у края могилы. Что оставалось? Либо безропотно ждать ее смерти, либо действовать. В этот раз отец сыграл по-крупному. Ему требовались не только деньги (они бы не спасли Зару), он желал вывезти семью за пределы СССР. Джумаевы покинули бы Союз сразу после того, как демобилизовался Нурлан. Но Зара ушла слишком быстро. Отец не успел спасти ее, но погубил себя...

Нурлан с мамой остались вдвоем. Тогда-то и начался настоящий ад.

...Джумаев так глубоко погрузился в воспоминания, что не только прослушал историю Чаплина о бабушке, но и не заметил, как тот удалился, а к нему самому подошел племянник.

– Дядя Нурлан, у меня невероятные новости, – тронув старика за руку, проговорил Абзал.

– А? Что? – встряхнулся Джумаев.

– Я нашел девочек.

– Каких?

– Сестер, что вдохновили тебя на написание романа.

– Ты это серьезно? Но как? В газете, напечатавшей историю о них, имена были изменены, фамилия же отсутствовала вовсе.

– Зная год и место рождения, отыскать таких исключительных людей, как сиамские близнецы, совсем не сложно. Девушек зовут Таня и Аня. Они живут в Москве, всего в получасе езды отсюда. Я предлагаю смотаться к ним, чтобы познакомиться.

– Съезди один. Расскажи обо всем: романе, съемках... О моем страстном желании встретиться с ними. Если они заинтересуются, назначь встречу на завтра.

– А если нет?

– Тогда я сам к ним нагряну и покажу тебе, как нужно уговаривать людей. Абзал, ты наследник моего бизнеса. Когда я умру, ты будешь вести переговоры. Учись!

– Я могу, – проговорил Абзал. На самом деле он не очень хорошо контактировал с людьми, если только они не были женщинами, за которыми Абзал собирался приударить. С ними племянник не терялся! – Но тут другое...

– Вот именно. Тебе всего-навсего нужно уговорить двух барышень на встречу.

– Но я даже не знаю, в своем ли они уме.

– Ты мачо, Абзал. Внешне – совершенно точно. Сыграй на их инстинктах. Завлеки бицепсами. Но не забудь о красивых жестах. Явись с цветами, осыпь комплиментами, пригласи в шикарный ресторан. Я поставил перед тобой очень легкую задачу. Сложную я взял на себя.

– Какую, если не секрет?

– Нужно найти черное пианино «Украина», – ответил Нурлан и достал телефон, чтобы выйти в интернет. В отличие от многих своих ровесников, он прекрасно ориентировался в сети. Даже Абзал, ближайший родственник и помощник, не знал о том, что Нурлан Джумаев криптовалютчик. Пока молодежь разбиралась, что такое биткоин, старик их покупал. И теперь он мог похвастаться тем, что имеет их столько, что может купить не только остров... А целый архипелаг.

Только зачем?

Глава 5

Таня расчесывала вымытые и подсушенные феном волосы. При этом смотрелась в зеркало, решая – оставить их распущенными или собрать в хвост. Ей нравились сложные прически. Но без помощи Ани, а точнее, той руки, которой пользовалась она, сделать их было нереально. Даже хвост красивым не получался, если Таня действовала одной левой. Поэтому чаще всего она ходила с распущенными. Но сегодня особенный день, и хотелось выглядеть красиво.

– Ань, не поможешь мне с прической? – робко спросила Таня. Они с сестрой ругались весь вечер, и Анна с ней все утро не разговаривала.

– Давай, – милостиво согласилась та.

Конфликт произошел из-за того, что Таня не хотела ехать на киностудию, тогда как ее сестра жаждала этого. И это Аня, которую нужно было на обычную прогулку уговаривать!

– Как ты хочешь собрать волосы? – спросила она.

– В хвост.

– Давай сделаем тебе «девятый вал»?

– Нет, эта прическа обязывает к платью...

– Мы его и наденем.

– Не джинсы и свитер? – поразились Таня.

Они обычно носили штаны и свободные свитера. Все это покупалось в интернет-магазинах, обычно в разделах для мужчин. Женские джинсы у них не сходились в талии, она была широкой, а грудная клетка тем более. У девушек был низ пятидесятого размера (но дамские модели висели на бедрах и не застегивались на поясе), а верх шестидесятого, при том что они не были полными.

– Поедем в бархатном платье, – решила Аня.

Его девушки сшили последним. Они научились отлично управляться со швейной машинкой и иногда создавали наряды для особых случаев.

– Это уже слишком, – тряхнула головой Таня. – Мы не в Большой театр собираемся, а всего лишь на киностудию.

– Но именно там, на киностудии, мы будем выступать в роли звезд!

– С каких пор ты этого захотела?

– С тех, как узнала, что мы стали прототипами главных героинь будущего кинохита. Пора нам, сестренка, покидать нашу нору.

– Я уговаривала тебя сделать это много лет, – заметила Таня, – но ты...

– Ждала случая. Вот такого, какой нам сейчас подвернулся. Если уж являть себя миру, то под звук фанфар. Мы произведем фурор, поверь, я это чувствую...

– К нам сколько раз приезжали журналисты, хотели снять сюжет или написать статью, ты никого не пускала.

– Это все мышьяная возня, – отмахнулась Аня и взяла с трюмо шпильки. Она твердо решила соорудить на голове сестры высокую прическу. Сама она стриглась коротко. Снимала волосы машинкой раз в месяц. Иногда красила их то в синий, то в зеленый. Сейчас была натурально-русой. – Пусти я журналистов, мы бы привлекли к себе внимание простых обывателей. Сейчас же мы предстаем перед российской богемой. А если фильм получится, то мировая будет мечтать о знакомстве с нами. Мы можем стать музами не только для казахского писателя Джумаева и отечественного режиссера Чаплина, но вдохновить Пауло Коэльо и Джеймса Кэмерона. Мы станем гостями Опры Уинфри и снимемся для обложки какого-нибудь крутого журнала...

– И ведь считается, что из нас двоих я – фантазерка, – усмехнулась Аня.

– Таня, мы стоим на полпути к мировой славе!

– Даже если мы станем известными... И нас начнут звать на передачи и фотосессии, то это только из-за того, что мы не такие, как все. Разве это не то же самое, что выступать в цирке уродов?

– Конечно, нет, – возмутилась Аня. – Мы не жалкие комедиантки, мы – музы. А теперь давай сделаем тебе прическу, облачимся в наше бархатное платье и выйдем в свет!

...За сестрами Сомовыми приехал лимузин. Как оказалось, на этом настояла Аня. Весь двор сбежался посмотреть, кто в него сядет. Дверку перед девушками открыл шофер в фуражке. Они забрались в салон, придерживав подол длинного платья.

– Доброе утро, барышни, – поздоровался с ними Абзал. – Вы просто прекрасны.

– Солидарен с тобой, – подал голос старик в тюбетейке, сидящий рядом. – Здравствуйте, я Нурлан Джумаев. А вы... Нет, не подсказывайте, я сам угадаю... Таня, – он указал на одну из сестер, – и Аня. – Палец ткнулся во вторую.

– Угадали, – улыбнулась первая.

– Нетрудно было после того, как нас описал его племянник, – проворчала Аня.

– Характеры, но не внешность, – уточнил Абзал. Затем потянулся к мини-бару и спросил: – Не желаете шампанского?

– Сейчас девять утра, какое шампанское? – продолжила бухтеть Аня.

– Во многих европейских странах его подают на завтрак, – по привычке сгладила Таня. – Но мы не будем, спасибо.

– Я бы на вашем месте не отказывался, – улыбнулся Абзал. – Шампанское отличное, и мы его только пригубим.

– Все мы?

– Конечно. Событие ведь для всех знаменательное.

– Хорошо, открывайте.

Пока Абзал возился с бутылкой, Таня украдкой наблюдала за Нурланом. Человеком, что написал книгу о них с сестрой. Не биографию, конечно. Биография не заинтересовала бы никого, особенно киношников. Но он придумал им характеры, жизни... Он вдохновился ими. Аня права, они стали его музами. Не исследовательским материалом, как для докторов, а вдохновительницами.

– Я прочла вашу повесть, – сказала она, когда старик поймал ее взгляд. – Нашла в интернете.

– И как она вам? – живо поинтересовался старик.

– Неплоха. Но мне бы хотелось прочитать роман.

– Обещаю, вы будете первыми, кому я вручу его.

– И когда это случится?

– После выхода фильма.

– Дядя держит интригу, – заметил Абзал, подав Тане фужер. – Никому не показывает роман, даже режиссер его не читал.

– Кстати, я смотрела его дебютный фильм. Мне он понравился. Чаплин – талантливый парень, – оживилась Аня. Она любила кино. Могла весь день просидеть за компьютером, прогоняя фильм за фильмом. Таня же больше читала. Но книги не глотала, а смаковала.

– Тогда выпьем за то, чтобы этот талантливый парень снял настоящий шедевр! – предложил тост Абзал.

Все поддержали и, чокнувшись фужерами, пригубили шампанское.

Пузыри защекотали нос, и Таня чихнула.

– Будьте здоровы, – услышала она от старика.

– Она не больна, просто так на шампанское реагирует, – пояснила Аня.

– А вы нет?

– Я любой алкоголь хорошо переношу. Но люблю виски. А у сестры от него голова болит.
– То есть пьете вы, а голова болит у нее?

– Точно. – Аня сделала глоток и игриво спросила у Абзала: – Вы, надеюсь, останетесь с нами на съемочной площадке?

– Конечно.

– До самого конца?

– Вообще-то мы с дядей хотели пригласить вас на обед. Уже и столик во французском ресторане заказан.

– Чур, вы мой кавалер.

– Почту за честь, – улыбнулся Абзал.

Он был прекрасно воспитан, интеллигентен, умен, обладал безупречным вкусом в одежде. Эдакий английский денди, но с внешностью, которую трудно назвать аристократической. Абзал был высок, широк в кости, мускулист и волосат. Лицо его с грубыми чертами покрывали оспины, частично спрятанные под бородой. Те азиаты, которых Татьяна видела раньше, были изящными, гладкими, с тонкими щиколотками и красивыми кистями. Руки же Абзала походили на обезьяньи лапы – большие, покрытые шерстью. Именно они заворожили Аню. Она не скрывала от сестры своей страсти к мужчинам с грубыми волосатыми руками. Именно такие казались ей настоящими самцами.

– Танечка, а какое впечатление произвел на вас Адам, главный мужской персонаж моей повести? – обратился к ней Нурлан.

– Неоднозначное.

– Поясните?

– Вы создали очень убедительный образ, я живо представляла этого парня, но... Я ему не сочувствовала. Он нарушил гармонию сестринских отношений и сделал это намеренно. Он не любил ни ту, ни другую, он упивался властью над ними. Поэтому, когда одна из девушек его отравила, я подумала – и правильно сделала.

– Вы поступили бы так же?

– Нет. Я ни за что не причинила бы вреда живому существу.

– А вы, Анна?

– Если вам интересно, способна ли я на убийство, то скажу так – скорее да, чем нет. Мысленно я казнила не один десяток человек. И физическую силу к некоторым применяла, когда мы с сестрой обитали в Центре педиатрии. Но никто во мне не рождал такой ненависти, чтобы я решила замарать руки. Даже доктор Голдблюм, который ставил над нами эксперименты. Я не читала вашу повесть, но ознакомилась со сценарием Чаплина, и смею вас уверить, такое ничтожество, как главный герой, не может вызвать ни горячей любви, ни холодной ненависти...

– Я не согласна, – встряла Таня. – Герой подлец. В таких сначала влюбляются, потом начинают их ненавидеть.

– Он закомплексованный засранец, – подхватила Аня. – Девки – дуры, что в него втрескались.

– Видите, как по-разному вы воспринимаете героя, – заметил Нурлан. – Это говорит о том, что он получился живым и неоднозначным. Я к этому и стремился.

– А вы сами как к нему относитесь? – полюбопытствовала Таня.

– Узнаете, когда прочтете роман. Адам в нем главный герой.

– А вы умеете подогреть интерес к своему произведению, – с уважением протянула Аня и залпом выпила шампанское. Она не была пьяницей, но на грудь принимала довольно часто и не всегда могла вовремя остановиться. Головную боль после виски Таня выдумала, чтобы сестра не увлекалась. Но сегодня, как она поняла, Аню ничто не остановит.

Тут в кармане Нурлана зазвонил телефон. Старик достал его и, вытянув руку, глянул на экран.

– Это Эдуард Чаплин, – сообщил он, перед тем как ответить.

Говорил он недолго, меньше минуты. Таня поняла, что режиссер спрашивает, как скоро они приедут.

Так оно и было.

– Без нас не начинают съемку, – сообщил Нурлан. – А точнее, без вас, девочки.

– Долго еще ехать? – спросила Таня, которая сразу занервничала.

– Нет, мы рядом.

– А нам достанется по кусочку тарелочки? – встрепенулась Аня. Она выпила свое шампанское и протянула опустевший фужер Абзалу, желая, чтоб он его наполнил. – Я знаю, что ее разбивают перед началом съемок и раздают осколки членам съемочной группы.

– Вы обязательно их получите.

Аня радостно взвизгнула. А Татьяна стала еще мрачнее. Считалось, что посуда бьется к счастью, но она ее пугала. Нет ничего хорошего в осколках... Они острые... Они ранят.

Нет, посуда не бьется к счастью.

Глава 6

Женя сидел на катушке с проводами. На коленях его лежал блокнот, в руке был зажат карандаш. Он записывал свои стихи именно им. Ему нравилось тепло дерева. А еще грызть карандаш приятнее, чем ручку.

Сунув кончик в рот, Женя задумался. Та рифма, что шла, ему не нравилась. Но стихотворение должно быть дописано сейчас, пока не началась работа. Потом у Бородин не будет свободного времени, чтобы его закончить, а блокнот отдавать Кукусе этим вечером. Школьный приятель ознакомился с теми стихами, что поместились в предыдущем, они понравились ему, но он хотел, чтоб Женя написал еще хотя бы несколько.

– Завтра у меня встреча с моим издателем, – сообщил он, позвонив вчера. – Мы в десять встречаемся в «Мертвых поэтах». Думаю показать ему твои произведения, но того, что есть, мало.

– У меня больше сотни опубликованных в интернете стихов, – напомнил Бородин. – Можно их распечатать.

– Издатели, а точнее, люди, что работают на них, редакторы, агенты, просматривают сайты. И если твои работы не приглянулись... Ты, можно сказать, в папке «игнорируемые». Я же представлю тебя как начинающего автора, порекомендую, нахвалю.

– Но если издателю понравятся мои стихи, он узнает, что я тот самый Евгений Бородин, что уже десять лет публикует свои стихи на всевозможных сайтах...

– Ты можешь взять псевдоним. Женя Борода, например. Хотя это не твой случай, ты же лирик. Короче, об этом подумаем потом, когда все, ну, если все срастется. Сейчас от тебя требуются еще стихи, много стихов. Чтоб на сборник хватило материала.

– Но я только начал новый блокнот.

– Женек, у тебя вся ночь впереди, да еще день. Наваешься...

И Бородин «ваял» всю ночь, зная, что день будет занят. Но многое ему не нравилось. Он не привык работать в спешке, только когда посещало вдохновение.

Женя вгрызся в карандаш, как будто это могло помочь. Он почти не спал, утром не ел, так как опаздывал, злился на себя... Поэту требовалось чудо.

И оно свершилось!

Бросив рассеянный взгляд туда, откуда вдруг раздались громкие голоса, Женя увидел... Татьяну! Она стояла боком, но он узнал ее. Одетая девушка была торжественно, будто собралась на прием, и волосы уложила в высокую прическу. Она была не одна. Плечом к плечу с ней стояла еще одна дама. Таня говорила, что у нее есть сестра, наверное, это была она. Барышень сопровождали писатель Джумаев и его племянник. А к ним навстречу спешил режиссер Чаплин и исполнители главных ролей.

Женя подивился тому, как тесен мир. Москва – огромна, а он уже второй раз за сутки встречает Таню. И если вчера он приложил к этому усилия, то сегодня... Да он думать забыл о странной девушке, которая сделала вид, что не знает его, задернув занавеску. И не ответила на Женины сообщения, хоть и прочла их. Бородин оскорбился. И расстраивался бы, не погрузись он в написание новых стихов. Поэзия спасала Евгения от многих переживаний. Но сегодня именно она переживания ему и доставляла. Каллиопа, муза поэзии, покинула Бородин, как будто освободив место для Татьяны, которая вдохновляла не меньше...

Едва он увидел ее, как родились нужные рифмы. Женя торопливо записал их. Перечитал стих. Понял, что он может звучать и лучше. Вырвав лист, переписал.

Когда Женя закончил и поднял глаза, Тани на прежнем месте он не увидел. Впрочем, как и всех остальных – компания переместилась ближе к съемочной площадке.

«Интересно, откуда Таня знает Нурлана? – подумал Женя. – Познакомилась с ним, где и со мной, на литературном сайте? Но почему с ним встретилась, а со мной нет?»

Ответ пришел тут же: «Он печатается, по его повести снимают фильм, а кто ты?»

Обида вернулась. Но поэт не позволил ей завладеть собой. Благодаря Татьяне Евгений дописал стих, и он, похоже, станет лучшим в сборнике. Сунув карандаш за ухо, а блокнот в нагрудный карман рубашки, Бородин встал и направился туда, где сконцентрировались люди. Сначала он увидел Абзала, что естественно, поскольку этот человек-гора сразу привлекал к себе внимание, потом Чаплина, потому что он стоял у треноги камеры с тарелкой в руке. С ним рядом исполнители главных ролей: Марат и Иван. Оба в образе. Первый загримирован под женщину, второй растрепан и одет в какие-то нелепые шмотки – по сценарию Адам, чью роль исполнял Охлопков, чудик. И, между прочим, поэт. Для Чаплина, по всей видимости, это было примерно одно и то же.

Женя продолжал вглядываться в толпу, когда раздался звон. Это разбилась тарелка с названием фильма, именами режиссера, продюсера, ведущих актеров. Не все, но многие тут же бросились собирать осколки. Тут-то Женя и увидел сиамских близнецов. Сначала он подумал, что это дублер Марата. Для него изготовили специальный костюм с дополнительной головой, чтобы снимать дальние планы, и пошили женские наряды нестандартного размера и фасона – художник по костюмам дал волю своей фантазии. Но близнецы были в классическом бархатном платье синего цвета, точно таком, какое он видел на Тане. И у одной из голов была прическа «девятый вал».

Женя переместился. Занял позицию, с которой смог рассмотреть профиль той, которая, как говорила мама, возвела на башке Вавилон...

Это была Татьяна!

Совершенно определенно она.

И все сразу встало на свои места. Женя понял, почему Таня отказывалась от встречи... И пряталась от него, и не отвечала на сообщения. Не муж был всему причиной. Сестра, с которой Таня делила тело.

...Бородин так пристально смотрел на девушку, что она почувствовала это и повернула голову в его сторону. Попадаться на глаза не хотелось, и Женя спрятался за спинами других. Он был мал ростом, так что это не составило труда.

Таня через несколько секунд отвернулась.

Но этих секунд было достаточно для того, чтобы Евгений влюбился!

Впервые в жизни.

И, как ему казалось, навсегда.

Глава 7

Эд не верил своим глазам!

Перед ним настоящие сиамские близнецы. Не киношные, на таких он насмотрелся, когда готовился к работе. Фильмов о сросшихся братьях и сестрах было снято не так уж и много. Чаплин видел все – и художественные, и документальные. Но одно дело наблюдать за сиамскими близнецами, сидя у телевизора или компьютера, другое – в жизни.

– Какие же вы потрясающие! – в десятый, пожалуй, раз выдохнул Эд, подойдя между дублями к Ане и Тане. Они с интересом наблюдали за кинопроизводством с дивана, что принесли специально для них. – Не могу на вас насмотреться, девочки.

– Поэтому вы два часа бьетесь над одним эпизодом? – усмехнулась Аня, оторвав губы от фужера с шампанским. Она пила все время, и ей принесли уже вторую бутылку.

– Марату сложно, он играет сразу две роли. А до того как вы появились тут, я ставил перед ним другую актерскую задачу, нежели сейчас. Сестры представлялись мне антиподами, соперницами, и я ждал нерва, скрытого раздражения... Но вы не такие.

– Мы абсолютно разные, – заявила Аня, – считай, антиподы, и очень часто друг друга раздражаем. А соперничать из-за мужчины нам не приходится потому, что нам разные нравятся. Так что мы именно такие, какими вам казались раньше.

– Не буду спорить с вами хотя бы потому, что надеюсь на ваши частые визиты к нам, на киностудию. Обещаю обеспечить вам не только транспорт – не лимузин, конечно, обычную машину, – но и питание, и небольшой гонорар. Проведем вас по ведомости как консультантов.

– Мы – за! – обрадовались Аня и Таня.

– Отлично, – обрадовался и Чаплин. – А сейчас прошу меня извинить, нужно вернуться в режиссерское кресло.

Работа возобновилась. Эпизод наконец отсняли. Эд был доволен, но настроение ему испортил продюсер Панфилов.

– Ты отстаешь от графика, – хмуро проговорил он, встав за спиной режиссера.

У Панфилова была кличка Пан Фи. Вроде и с фамилией созвучна, но и отражает суть. Продюсер был донельзя высокомерен с теми, кто от него зависел, и обожал выражать свое «фи». Эд ни за что не стал бы с ним сотрудничать, если бы не был уверен в нем как в профессионале. Панфилов спродюсировал три самых успешных фильма последней пятилетки. И даже на провале одной из своих картин он умудрился заработать, продав ее Северной Корее как агитационную. Пан Фи никогда не рисковал собственными деньгами, всегда находил инвесторов, но неизменно трясся над каждой копеечкой. Продюсер считал, что давать волю режиссерам нельзя. Иначе они увлекутся, растратят средства, выделенные на производство картины, да еще в долги влезут, но наснимают тягомотину, которую придется резать, чтобы получилось нечто более-менее удобоваримое.

– Почему ты на один эпизод потратил полдня? – не отставал от Эда Пан Фи.

– Так получилось, – бросил через плечо Чаплин. Он включил прогон отснятого и впился глазами в экран. – Наверстаем, не волнуйся.

– Если мы хотим снять коммерчески выгодное кино, то должны работать на износ. Каждую копейку нужно отбить, а еще и приумножить. Чем меньше потратим, тем больше заработаем. Я позволил тебе отложить съемки до тех пор, пока ты найдешь подходящего кандидата на главную роль, но сейчас, когда производство запущено, я не намерен спуску тебе давать.

– Я понял, – буркнул Эд. Он заметил погрешность в съемке и подумал о том, что не мешало бы переснять один эпизод.

– Ничего ты не понял, – взвился Пан Фи. – У тебя нет опыта. Ты снял один независимый фильм и два телевизионных. Ты, считай, сначала почту разносил в огромном офисе. Но делал

это великолепно, тебя заметили и перевели в отдел продаж. В качестве менеджера ты зарекомендовал себя с лучшей стороны, и тебе решили доверить по-настоящему ответственное дело. Но одному с ним не справиться, поэтому к тебе приставили наставника. Угадай, кто он?

Чаплин развернулся и посмотрел в глаза Панфилова. Они оказались болотными. И не только по цвету. У самого Эда были каре-зеленые глаза, живые, яркие, а те, в которые он заглядывал сейчас, походили на стоячую болотную воду.

Чаплин мысленно передернулся, представив, как его самого затягивает в топь.

– Аксакал полностью мне доверяет, – проговорил Эд, имея в виду Нурлана. Они так называли его за глаза – Аксакалом. – Мне – не тебе. Так что отвали.

– Почтальон ты, Эдик, – вздохнул продюсер. – Даже не менеджер.

– Я не очень хорошо в аллегориях разбираюсь.

– Так и не научился широко мыслить. Аксакал полностью финансирует проект, это да. Он выделил определенную сумму. До этого дня мы теряли деньги, но по мелочи. А сегодня мы запустили фильм, считай, воронку, засасывающую бабло. В нее можно спустить миллионы. Но я не дам это сделать. Потому что финансы всегда, запомни, почтальон, всегда ограничены. Нет такой бездонной бочки, из которой можно черпать. Даже Аксакал рано или поздно скажет – все, не дам больше ни копейки.

Чаплин мысленно нарисовал на физиономии Панфилова усы с закрученными кончиками, круглые очки и брови «домиком». Он всегда раскрашивал людей, которые его раздражали.

– Пойду поработаю, – сказал он продюсеру. – А то пока говорили, пара тысяч улетела.

– Топай, топай. А то обед скоро. Считай, опять перерыв в съемке.

– Нас, крепостных, даже кормить будут?

– Причем шикарно. Мы наняли классного повара.

– Балуетесь ты нас, царь, – нараспев проговорил Эд и отвесил шутливый поклон продюсеру. После чего вернулся к работе. Как бы Пан Фи ни бесил, а в главном он прав. Если режиссера не загонять в рамки, он при наличии средств такого наснимает, что сам же устанет, монтируя, резать лишнее...

Часть вторая

Глава 1

В отделе его все называли Тарантино.

И это не потому, что Костик Марченко любил кино. Просто у него была такая же выдающаяся челюсть, как у знаменитого режиссера. Да и в остальном был он на него похож – высоким лбом, темными волнистыми волосами, длинным носом. Коллеги, что дали Косте кличку, не были хорошо знакомы с фильмами Квентина. Смотрели разве что «Криминальное чтиво» и «Убить Билла», правда, «От заката до рассвета» обожал весь отдел. Это кино знали наизусть все, от начальника отдела до стажера – ведь Квентин Тарантино сам играл в нем. И для Костики все было бы ничего, да только персонаж этот был отвратительным как в самом начале, так и в середине. До конца он не дожил, поскольку превратился в вампира, и его убил собственный брат в исполнении Джорджа Клуни.

Костик всякий раз, когда его называли Тарантино, мысленно вздыхал. Ему бы хотелось быть похожим на Клуни. А с другой стороны, кому бы не хотелось? Такая внешность, как у Джорджа, и женщинам нравится, и мужчин не раздражает. Но Костик, как говорится, рожей не вышел. От чего не страдал лишь потому, что долго над собой работал.

В детстве он был настоящим уродцем. Огромная голова с крупными чертами лица и маленькое, худенькое тельце. Щелкунчик, так его звали в школе. Так что Тарантино – это не просто хорошо – прекрасно. Костик не рос до восьмого класса. А вот его зубы – да. Они были просто-таки лошадиными. Пару пришлось удалить, чтобы остальные встали ровно. Многого натерпелся Костик в то время. Но насмешки его не сломили, и паренек был вознагражден за стойкость. В период полового созревания он вымахал, раздался в плечах. У него росла настоящая борода, а не жалкий пушок, как у одноклассников. А еще зубы, пусть и крупные, не поддавались кариесу. Он не дрожал, а смело улыбался перед плановым осмотром у стоматолога.

В старших классах Костик стал нравиться девушкам. И парни его уважали за кадыкастую шею, покрытую черной щетиной – он брился через день. Но Марченко видел себя Щелкунчиком, башкастым, зубастым... Игрушечным – он стоял на физкультуре предпоследним, за ним только девочка Оля, у которой мама была карлицей.

После школы Костя поступил в университет, благополучно его окончил, потом отслужил в армии и устроился на работу в полицию. Выбрал для себя ГИБДД. Но, несмотря на то что в форме, а главное, в фуражке, он смотрелся невероятно привлекательно и нравился даже самому себе, перевелся в уголовный розыск. Там меньше платили, больше нагружали и не обещали повышения в ближайшие годы, но Костя Марченко совершенно искренне желал бороться с преступностью. Причем, когда сказал об этом родственникам и друзьям, услышал в ответ смешки. А от двоюродного брата – следующую фразу: «Что, понял, как фигово сейчас гаишникам живется? На лапу не возьмешь, кругом камеры и регистраторы, а за зарплату кому охота горбатиться?» Костя не стал с ним спорить. Какой смысл? Брат, работающий продавцом сотовых телефонов, все равно останется при своем мнении: в органах служат одни взяточники, и в уголовке на лапу дают больше и чаще.

Косте, естественно, предлагали взятки. Как и его коллегам. Но в их бригаде не брал никто. Все были «честными ментами». Примером для всех был старший оперуполномоченный Седых (Седой), человек кристальной честности, невероятного трудолюбия, огромного сыскного таланта. За это его безмерно уважали и... прощали остальное. Седых был грубым, вспыльчивым, драчливым мужиком. Даже Костя, который считался его любимчиком, получал от старшего опера лещей. Но надо сказать, что «прилетало» от него не только подчиненным. Как-

то Седых прокурору пинка отвесил. Причем прилюдно. Тот оскорбился и накатал на Седых жалобу. Любого другого уволили бы после подобной выходки, но терять опытейшего следака начальство не хотело, поэтому он отделался выговором.

Седых ушел на пенсию в позапрошлом месяце. Он готов был сделать это еще три года назад, но не видел того, кто сможет его заменить. Костя Марченко нравился ему больше остальных, но тот был еще зеленым. Не по возрасту – опыту. И когда Тарантино дозрел, Седой отправился на покой. Провожали его всем управлением. Пили столько, что уборщицы наутро бутылки мешками вытаскивали. Естественно, не обошлось без драки, зачинщиком которой стал новоявленный пенсионер. Костя драчуном не был, скорее миротворцем, но и ему досталось, поэтому после проводов неделю ходил с фингалом под глазом.

Тарантино повысили по званию и по должности, он стал майором и старшим оперуполномоченным, поэтому именно он больше остальных переживал за то, что работать приходилось не в полном составе. Одному из бригады, Коле Синееву по кличке Лаврушка (он постоянно таскал ее с собой, чтобы после пары кружек пива, пропущенных после тяжелого трудового дня, отбить запах и избежать нагоняя от жены), пришла пора уйти в отпуск, но некому было передать его дела. Им обещали прислать человека еще на прошлой неделе, да не стажера, а опытного следователя, переведенного с другого участка, но шли дни, а ситуация не менялась. Лаврушка не роптал, но ходил с таким страдальческим видом, что Костя чувствовал себя виноватым. Он знал, что Колькина супруга каждый день выносит ему мозг. Она была совершенно невозможной женщиной с дурным характером, которым пошла в отца. Лаврушка умудрился жениться на дочери Седого.

* * *

Сегодняшнее утро началось с двух новостей – плохой и хорошей.

– С какой начать? – спросил Лаврушка, встретивший Костика в кабинете. Он дежурил этой ночью, поэтому был изрядно помят, но непривычно весел.

– Давай с плохой.

– У нас новое дело. Охранник склада на киностудии обнаружил в одной из хранимых в нем декораций тело мужчины. Личность пока не установлена. Но причина смерти ясна – отравление. Как считает судмедэксперт, насильственное. Заключение будет готово через час-полтора.

– Быстро, – удивился Костя, подойдя к чайнику, чтобы сделать себе кофе. – Это хорошая новость, да?

– Нет, то всего лишь приятная мелочь. Криминалиста заинтересовал случай, вот он и отправился не домой, а в прозекторскую, чтобы покойника поскорее вскрыть.

– И чем же этот случай так интересен?

– Фотографии с места преступления на твоём столе, глянь.

Костик с большой кружкой бурды, которую они в отделе гордо именовали «кофе», прошел к своему рабочему месту и открыл папку с делом.

– Ой, елки! – не сдержал испуганного возгласа Костик. Он видел много покойников, но этот был самым страшным из них. Лицо перекошено, глаза вылезли из орбит, рот оскален. – Теперь я представляю, как нужно рисовать грешников, которых в аду черти жарят на раскаленной сковороде.

– В каком-то ужастике, не помню названия, жертвы были примерно с такими лицами. Их там что-то потустороннее убивало.

– Но нашего убил яд?

– Да. Смерть была долгой и мучительной. Яд вызвал паралич. Мужчина не мог двигаться и говорить. Его раздирала адская боль до тех пор, пока отек гортани не привел к смерти.

- Какой кошмар...
- Ни один из известных нашему криминалисту ядов так не действует.
- Так, ладно, хватит с меня твоей плохой новости, – передернулся Тарантино. – Выкладывай хорошую.
- Нам прислали человечка, – чуть ли не пропел Лаврушка.
- Неужели? А я думаю, чего ты такой довольный.
- Со следующей недели я уйду в отпуск! Полечу в Египет скатов и мурен гонять среди кораллов. Пиво пить с утра до вечера. На верблюдах кататься...
- Закрыт он.
- Чего?
- Не продают путевки в Египет, вот уже года два как.
- Это я, выходит, столько в отпуске не был? Года два как? Потому что я собирался в Египет, когда он был открыт... – Лаврушка поник. – И куда же мне теперь лететь?
- Земной шар большой, курортов море, выберешь. – А про себя подумал: «Точнее, выберет твоя супруга, а ты полетишь туда, куда она скажет!» – И давай вернемся к человечку, которого нам прислали. Что он собой представляет?
- Я не знаю. Шеф звонил, сказал, ждите. Вот я тут и сижу, чтобы посмотреть на нового коллегу, и это вместо того, чтобы домой ехать. А там меня ждет любимая.
- Ты никогда так жену не называл.
- А я и не о ней, благоверная на работе, а о «Балтике». У меня полторашечка нефiltroванного припрятана. Пока душ принимаю, пиво охладится, я выпью его с пряной килечкой и поджаренными на «вонючем» растительном масле гренками из бородинского хлеба...
- Он с таким смаком это говорил, что Костя сглотнул слюну. Захотелось если не пива, на службе нельзя, то килечки. Стал прикидывать, в каком из ближайших магазинов может быть самая хорошая, как дверь распахнулась и в кабинет вошли двое мужчин. Одному за пятьдесят, второму в районе тридцати. Первый упитанный, лысый, второй поджарый, с копной темных волос, щедро посеребренных на висках сединой.
- Начальник отдела полковник Каюмов и... «человечек».
- Доброе утро, ребята, – поприветствовал оперов Каюмов. – А где все?
- Рано еще, Андрей Рустамович, – ответил Костик. – Или поздно уже, как в случае с теми, кто ночью дежурил. Один Синеев остался, потому что в отпуск очень хочет, вы уж подпишите ему заявление.
- Без тебя разберусь, Марченко. А теперь знакомьтесь со своим новым коллегой. Аркадий Устинов. Тоже майор, как и ты, Костя. Восемь лет отслужил в уголовном розыске города-героя Волгограда, сейчас в Москву переехал...
- Здорово! – Лаврушка подошел к Аркадию и крепко пожал ему руку. – Добро пожаловать.
- Спасибо, – улыбнулся Устинов. – Надеюсь, сработаемся.
- Даже не сомневайся, – ободрил его Каюмов. – Ребята у меня золотые. Настоящая элита.
- А ты преемник Седого? – спросил новичок у Костика, который тоже пожал ему руку.
- Слышал про него?
- Он легенда.
- Да уж, – хохотнул Лаврушка. – Пинка прокурору прилюдно больше никто дать не осмелился.
- А ну цыц, – посуровел полковник.
- Молчу-молчу, – замахал руками Лаврушка, – я отпуск хочу.
- Смотри у меня, – и полковник Каюмов погрозил пальцем. – Вы все покажите, расскажите новому, не побоюсь этого слова, боевому товарищу, а я пойду.
- И я, – встрепенулся Лаврушка. – Меня же дома любимая женщина ждет.

- Супруге большой привет.
- Передам. – И Лаврушка подмигнул Костику. – Тестю тоже. Звонил вчера, справлялся о вас.
- Брось врать, – фыркнул Каюмов. – Мы с ним в выходные на рыбалку ездили...
- За разговором они покинули кабинет. Костик с Аркадием остались вдвоем.
- Я так понимаю, мой стол этот? – спросил «человечек», указав на единственный художественно расчищенный от завалов стол.
- Да, располагайся.
- Слышал, новое дело у нас.
- Тарантино понравилось, что новенький сказал «у нас», а не «у вас». Уже считает себя членом команды.
- Да, труп на киностудии. Я сам еще не ознакомился с имеющимися материалами, только фотографии посмотрел.
- Могу и я?
- Конечно. Держи, – и Костик протянул Устинову стопку снимков.
- Аркадий удивил. Глянув на первый, он даже не моргнул. Рассмотрел его молча и со спокойным лицом. Так же, как и остальные.
- Что скажешь? – поинтересовался Костик.
- Ужасная смерть. Врагу такой не пожелаешь. Это яд?
- Наш криминалист так считает, – кивнул Костик. – И в ближайший час предоставит результаты вскрытия.
- Дождемся и поедem на киностудию?
- Да, но сначала сделаем несколько звонков. Прозондируем почву, так сказать.
- Они склонились над делом, когда в кабинет ввалились Ерш и Карась. Или же Ершов и Карский. Эти двое были закадычными друзьями, и, невзирая на то что первый был лысоватым брюнетом среднего роста, а второй высоченным блондином, все принимали их за родственников. Что-то неуловимое делало их похожими.
- Привет, ребята, – поздоровался с коллегами Марченко. – Хочу вам представить...
- Своего брата, – хохотнул Ерш.
- Сета, – подхватил Карась, хлопнув товарища по плечу.
- О чем это они? – спросил у Марченко Аркадий.
- Сам не пойму.
- Да брось, – еще пуще развеселился Ершов. – Вы же как Тарантино с Клуни в фильме «От заката до рассвета».
- Один в один, – закивал головой Карский. – Или пара в пару?
- Аркадий Устинов, – представился волгоградский майор и пожал зубоскалам руки, – ваш новый коллега.
- А мы думали, чего нам так долго человечка не присылают, теперь понятно, – сказал Ерш и подмигнул Карасю.
- Да, Тарантино в пару Клуни подбирали, – ответил ему тот.
- У нас новое дело, – рявкнул Марченко. – Ознакомьтесь. А мы поехали с Аркадием на место преступления.
- Ты же хотел сделать сначала несколько звонков, – заметил Устинов.
- В машине это сделаю, – ответил Костик. – А то двое из ларца от тебя не отстанут.
- Вы братья? – спросил у Ерша и Карася новичок.
- Да, по разуму, – ответил за них Тарантино и, прихватив сумку и ветровку, зашагал к двери.

Глава 2

Чаплин был не в настроении.

Почему, не мог понять. Работа всегда его радовала. Даже если что-то не получалось так, как хотелось, Эду хватало творческого порыва для того, чтобы сохранять положительный настрой. Он был уверен в себе, поскольку знал, что сможет все исправить и добиться идеального результата. С «Сиамскими» была та же история. После знакомства с Таней и Аней Чаплин понял, что сценарий никуда не годится, но готов был менять сюжет по ходу съемок. Эд даже нового персонажа решил ввести, эпизодического, но яркого, и поручить исполнять роль непрофессионалу. Имелся у них в группе парень с таким заразительным смехом, что, когда он начинал хохотать, к нему присоединялись все. Это был помощник оператора Макс. Именно его Эд намеревался попробовать на роль. Даже не самого Макса, а его смех. Персонаж трижды появится в кадре и будет хохотать, причем два раза над комедией, один – над драмой.

Идея эта пришла Эду по дороге на студию. Она понравилась ему, но... Настроение все равно не улучшилось. Если бы Чаплин верил в дурные предчувствия, то решил бы, что это они не дают ему покоя.

Прибыв на студию, Эд распорядился принести себе двойной эспрессо и найти Макса. Пока ассистент выполнял поручение, Чаплин сидел в своем кресле и просматривал отснятый вчера материал. Он вполне устраивал Эда, но и это не прибавляло настроения. Пожалуй, оно еще больше ухудшилось. Эд начал раздражаться, ему захотелось курить, но он бросил три месяца назад и не собирался срываться. Зависимость от никотина он преодолевал мучительно, ему не помогали ни жвачки, ни пластыри. Немного облегчали страдания леденцы, и Эд сосал их постоянно. В итоге поправился на шесть кило, чему не обрадовался. Кого-то лишний вес не портит, особенно если его немного, но у Чаплина наливались щеки, превращая лицо в луну, и небольшие голубые глаза становились еще меньше. Тот, кто хорошо не знал Эда, начинал предполагать, что он попивает. Но Чаплин не употреблял. Считал, что алкоголь мешает творчеству, и позволял себе лишь символический фужер шампанского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.